

В К А Т Я
А З О В К А

Н Е М И Р А
К О Л Е С О С У Д Ь Б Ы

Annotation

Во времена, когда Макошь пряла судьбы людей, а солнце светило по велению Ярилы, когда леса полнились гаевками да лешими, а реки водяницами да баламутнями, человек зависел от воли богов. Но так ли беспредельно простиралась людская несправедливость? Или все же жизнь была в руках самого человека, даже если это всего лишь девица, потерявшая мать, дом и отдавшая сердце тому, кого нельзя любить?

Катя Зазовка

Немира. Колесо судьбы

Много месяцев Призрачная шайка грабила окрестные селения и города, много месяцев держала в страхе всю округу от Черных болот до самого стольного града Смедина. Справно были сложены ее ребята, быстры да хитростью не обделены. Бугай, к примеру, одной рукой бегущего мерина укладывал. Ветряк с тройным наваром умудрялся сбыть награбленное. Репенья любой птицей пел, любым зверем кричал, а уж человеческий голос подделать — для этого и горла не напрягал.

Бывало, дождется шайка, когда богатый хозяин двор свой покинет, Репенья тут как тут. Сторожевых псов тихим лаем успокоит, а дальше: открывай, женушка, вернулся я. Дура баба сама и впустит подменного мужа. Когда же глаза от вида разбойников в сыромятных кожах на лоб полезут, а рот для крика распахнется, так поздно уже: кляп и веревка справно свое дело сделали. А если все-таки попытается утаить о скарбе нажитом, тогда за дело любитель женских ласк Поята берется. Но то лишь с дозволения главаря — самого Лисицы, князя грабителей да воров. Против него даже у десятка вышколенных воинов шансов было немного.

Откуда пришел этот ухарь с медной кожей, по-восточному раскосыми глазами да ранней сединой на висках, где почерпнул столько страшных бойцовских умений да ухищрений, не знал никто. Да только селяне между собой шепотом поговаривали: здешний он, от насилия зачатый, да матерью в услужение заезжему купцу проданный. Оттого и злобу с обидой на всех людей имел.

Долго мучились люди от нападок прожорливых налетчиков, не раз в Смедин за помощью посылали. Да все ж изловить шайку никак не удавалось. Грабители-кочевники, выпотрошив хату или обоз, вмиг снимались с места и в одночасье на крепких конях пропадали из виду, да так ладно, будто растворялись в воздухе или к самой Паляндре^[1] под землю спускались. Не зря ж их Призрачной шайкой звали. Но, конечно, прятались они не в царстве страшной богини, а в диких лесах, что за Черными болотами расстилались, куда обычный человек и носа не показывал, ведь всем известно, чем такие места полнятся...

Но однажды настал момент, когда Лисица совсем одурел от жадности и безнаказанности. Сдобренный хмелем, он поддался уговорам Новичка и повел своих не менее одурманенных брагой молодцев к ленивой полноводной Горыни. Там напали они на судно, что князю Смединскому дань везло. Но и моргнуть не успели, как навстречу им выскочил десяток бывалых латников, да в один миг повязал разъярившихся больше, чем следовало для боя, грабителей, потерявших от крепкого напитка меткость и проворство. Только Новичок и удрал.

* * *

Сыро. Холодно. В углу пищат крысы, пожирающие роскошный завтрак — полную миску золотистых драников с грибами. Что-что, а кормили в Смедине знатно... приговоренных к казни. Лисица к пище так и не притронулся. Нет, не брезговал, да и крыс с детства не боялся. Просто не желал — желудок еще с вечера прилепился к спине. Тут и маковой росинки не проглотить, не то что с обильной снедью справиться.

Лисица знал, что однажды настанет час расплаты за все те непотребства, кои творила Призрачная шайка. Вот только... Старая Юга искусной ведьмой была и попусту болтать не стала бы. А она предсказала, что главарь погибнет в бою от меча. Никак не на дубовой плахе в окружении дюжины висельниц на Казинке, которая располагалась в нижней части Смедина и была намеренно сконструирована так, чтобы все смрадные стоки города стекали сюда по затейливой системе рвов. Именно тут, как ее еще называли, на Смердящей площади, нечистоты замедляли свой бег, раскрашивая и без того несвежий воздух зловонием отходов людской жизни.

Казнь должна была состояться в полдень, дабы солнце, набравшее полную силу, могло осветить всю справедливость княжеской власти. И хотя с неба еще не сползли розово-лиловые рассветные сполохи, горожане уже подтягивались в предвкушении посмаковать славное действо в первых рядах. Самые разумные заняли места еще с ночи. Целыми семьями дежурили. Еще бы! Такое представление!

Какой скоморох?! Какой балаган?! Когда чинно выйдет статный палач и занесет блестящий топор над склоненной головой... Стольный град, поди, и забыл уже, когда лишали жизни сразу тринадцать человек. Вернее, грабителей, насильников и убийц.

Для купцов дружины уже установили лестницу с пятью широкими ступенями. Укрыли пестроткаными коврами, чтоб никто не простудился. Осень все ж. Лисица ненавистно сплюнул и снова поднял голову. Крохотное оконце выходило прямо на место казни. Ни толстая проржавелая решетка, ни сгущающаяся толпа не мешали разглядеть плаху, в которой уже торчал топор, поблескивавший в лучах восходящего солнца, да пеньковые петли, покачивавшиеся в зловещем ритме — знал старый князь, как заставить заключенного хоть отчасти испытать то, что чувствовали его жертвы.

В Смедине тюремных ям не жаловали. Ибо в тех от сырости да собственных испражнений люд слишком быстро в калек превращался. Старый князь много толковых указов составил. Среди них был и такой, согласно которому всем осужденным за мелкие пакости надлежало не в ямах гнить, а приносить пользу по своим умениям (которые почему-то всегда обнаруживались в изобилии) в сухих тюремных комнатах с тюфяком да отхожим местом. И только на первых этажах был холодный земляной пол да крысы, дабы лишний раз напомнить, чего заслуживал за свои деяния осужденный на казнь.

Лисица несколько раз сжал-разжал озябшие пальцы, присел-встал в безуспешной попытке разогнать по телу тепло, но от оконца так и не отошел. И вроде можно было не глядеть, да ноги словно вросли в пол, а взгляд, как назло, не сосредотачивался ни на чем, кроме дюжины висельниц да топора, торчавшего в плахе, будто нож в масле. Крепко Паляндру ждут, коли такую казнь задумали. Это лелеяло черную душу ухаля. И страшило.

Рука опять потянулась к жбану, еще одной милости князя, но вовремя была отдернута. Хмель до казни выветриться успеет, а ощущение яви только четче станет. Не дело. Лучше перед самым выходом все залпом выхлебать. Вот тогда навеселе и Паляндрушку, точно излюбленную блудницу, привечать можно.

Дневное светило перекатилось на середину лазурного неба слишком скоро. Как ни старался Лисица, так и не сумел припомнить ни одного дня, что так стремительно несся к ночи. Топор блеснул все ярче, петли качались сильнее. Алые, словно обагренные кровью знамена с изображением орла, несущего в когтях солнце, неистово трепетали. Вот уже и знать стала подходить. А как явится князь, так и начнется...

И он явился. Никогда не опаздывал. Седой, в простоватом кафтане на лисьем меху,

скрюченный (никак подагра совсем замучила), проковылял в центр лестницы, не глядя на протянутые руки служек, и тяжело опустился на золотой ковер. Ему давным-давно прочили смерть, да только Паляндра до сих пор не решалась подступить — то ли любовь народа усмиряла кровожадность богини, то ли главный чародей Нежила Зимович отыскивал источник бессмертия. Год от года князь не менялся, разве что голова становилась седее, а спина сильнее пригибалась к земле.

Лучники, как водится, дежурили на каждом выступе. Стражников было не счесть. Знатно несли они службу. Зоркие глаза реагировали на каждое движение, обращенное в сторону князя. Тут даже муха не пролетела бы без разрешения. Хотя особой нужды в такой защите не было. Старого князя без памяти любил и что простой люд, что богатеи. Ну, а если бы в город ворвался враг, что вряд ли — с таким-то укреплением, — то подле князя всегда был верный охранитель, который владел хитрым видом боя да стрелу на лету дланью отбивал. Да еще меньшей брат, закаленный боями да каждодневными тренировками. Вон и сейчас, когда вся знать о предстоящей казни болтает, Гольш Всеволодович, младший княжич, хранит молчание да внимательным взором площадь обводит.

Лисица круганул ступней, потом другой, разгоняя набежавших от онемелости мурашек, и замер, готовый поклясться, что глаза молодого княжича задержались на нем. А заметив заигравшую на бледном лице улыбку, снова сплюнул от ненависти и бессилия.

Глашатай объявил о начале казни. По спине главаря Призрачной шайки снова побежали мурашки, только теперь не от холода и даже не от долгой недвижимости.

Первым на площадь вывели Пояту. Толпа загудела, заулюлюкала. Отовсюду в необычайно красивого молодца полетели плевки. Бабы завопили. Но вместо злости или страха на лице осужденного заиграла плутоватая усмешка. А дальше Поята рассыпался в воздушных поцелуях и неприличных телодвижениях. Прервал этот балаган точный удар в челюсть, а затем другой — по причинному месту, чтоб неповадно было выставлять. Очухался молодец уже в петле, но не успел расплыться в кровавой улыбке, как палач выбил из-под ног опору. Следом повесили Ветряка, Сивого и Белку. С Бугаем пришлось повозиться. Хоть и тяжел тот был от роста да мускулов, а слишком долго дергался в пеньковом обруче — невиданно могучая шея сыграла с хозяином злую шутку. Когда кто-то в толпе не выдержал и заверещал, а следом этот писк подхватили десятки взволнованных голосов, князь смилостивился и едва заметно кивнул — крепкий палач навалился Бугаю на плечи — и тот наконец-то издох.

Репенья устроил целое представление — мол, помирать, так с музыкой. Заливался иволгой, дроздом, ухал филином, кричал петухом, а когда разразился соловьиной трелью, так бабы уже плакали навзрыд и молили князя о пощаде. На предсмертном вздрагивании подельника Лисица обнаружил себя вцепившимся в металлическую решетку. Пальцы побелели, тело покрыла испарина. В этот миг он ненавидел всех и мечтал исчезнуть. А еще страшно желал остаться в живых.

Настал черед Вирша. Лисица похолодел еще больше: странное время настало — теперь жизнь исчислялась не в веснах, не в седмицах и даже не в часах, а в подельниках, ожидавших казни. Всего шестеро. Главарь что было сил рванул толстые прутья, но решетка даже не скрипнула, не шевельнулась, будто намертво срослись металл и камень. На лице молодого княжича снова мелькнула довольная улыбка.

Пот ледяными струями катился за шиворот. Воздух с трудом поступал в грудь — не раздышаться. Пятеро. Четверо. Топор блестел до рези в глазах и словно становился больше.

Мокрая насквозь рубаха липла к телу...

— Что, не хочется помирать?

Главарь резко обернулся и едва удержался, чтобы не протереть глаза. На пороге стоял Новичок. Тот самый, что науськал податься к Горыни. Только сыромятные кожи сменили дорогие изумрудные одежды, без вычурности, но такие не каждый корабельщик себе позволит.

Кулаки сжались сами собой. А в следующий миг Лисица уже стрелой летел на предателя. Только костяшки пальцев не задели и шелковой ткани — из-за спины гостя выскользнул невысокий человек и одним движением ноги отправил нападавшего обратно к оконцу. Затылок встретился со стеной — боль такая, что на стенах острога зацвели маки. Но ярость оттого только разрослась. Впрочем, Лисица сумел с ней совладать. Почти.

— Псовье отродье! — Главарь встал.

— Ну-ну, — снисходительно улыбнулся Новичок, лениво потеряв родинку в виде звездочки над губой. — Я по делу.

Лисица фыркнул и отвернулся к оконцу, поджав тонкие губы. Затылка даже не коснулся. К висельнице меж тем подвели Заячью Губу. Осталось всего трое.

— Так вот, — дружелюбно продолжил предатель. — Умирать совсем необязательно.

Лисица перестал дышать, но поворачиваться не спешил, взглядом провожая еще одного подельника.

— Есть человек, заинтересованный сохранить твою жизнь.

— Однажды я уже тебе поверил, — едва не рычал от ненависти главарь, но все ж уши наострил — с малолетства не привык отказывать Случаю.

— Оно-то верно, — довольно усмехнулся Новичок. — Но то не твоя беда, я и мертвого убедить сумею.

Лисица смерил предателя настороженным взглядом и снова отворотился к оконцу. Пусть говорит, хуже все равно уже некуда — разве что пытки, но того в Смедине отродясь не бывало. Итак, к чужеродной казни прибегли — специально для него топор заточили.

— Вижу, жить хочешь.

— Даже червь с отдавленным задом в землю спешит зарыться.

— Стало быть, идешь на сделку?

— Что взамен? — Взгляд метнулся к Гольшу и снова уперся в висельницу. Вид дергающегося в пеньковой гривне десятого подельника вынуждал поторопиться с решением.

— Незыблемая печать.

— На что? — угрюмо осведомился Лисица и скривился, увидев, как Ясень то плачет, то хохочет — никак умом тронулся. Предатель тоже подошел к оконцу, протянул расшитый платок. Главарь мазнул по платку взглядом, презрительно хмыкнул, с трудом сдерживаясь, чтобы не воспользоваться опасной близостью и снова не пустить в ход кулаки.

— Не все ли равно? Все лучше, чем с башкой на плахе расстаться.

С этим трудно было поспорить.

— Решай, у тебя осталось совсем мало времени. — Предатель спрятал платок.

«Всего один», — пронеслось в голове главаря.

— Добро.

— Вот и ладно, — Новичок подал кому-то снаружи знак рукой.

Когда последний подельник отправился в распростертые объятия Паляндры, сердце Лисицы забилося, как дикая птица в клетки. Воздуха вдруг стало не хватать. Гость хмыкнул и,

напоследок бросив: «Скоро за тобой пожалуют», вместе со слугой покинул острог. Главарь, запоздало осознав двоякость услышанной фразы, уставился на дверь. Но ведь согласие на печать дано...

Время текло, крепкая деревянная охранительница не шевелилась.

Вдруг Казинка взревела. Лисица вдавил лицо в решетку и ощутил, как расширяются от увиденного глаза. К плахе вывели человека, статью да волосами здорово напоминающего его самого. А вот лицо... Похож или не похож — углядеть это в кровавой маске было невозможно (и это в Смедине, где дальше розог никогда не заходили!). Толпа неистовствовала. Бабы зашлись в непрерывном вое, мужики трясли кулаками, подначивая палача отвести черную душу в Навь. Подменный главарь крутил головой и пытался что-то сказать. Толпа стихла — приговоренный промычал что-то нечленораздельное.

— Язык усекли! — вслух догадался Лисица и расхохотался так, что стены задрожали. — Язык усекли!

Когда топор в один удар отделил голову от тела, Смердящая площадь разразилась дикой радостью. Жбан, не выдержавший атаки проворных лапок, завалился на бок — янтарное содержимое тонкой струйкой потекло на пол. Но главаря не удручил даже вид крыс, лакающих мед. Его голова осталась на плечах! И чувствовать ее там куда приятнее на трезвый рассудок, особенно теперь, когда в руке палача болталась замена. Лисица коснулся затылка, с удовольствием растер в пальцах алые капли.

Вот только кому мог так понадобиться Лисица? И зачем? Хотя какая разница?! Он жив, леший подери! Жив!

Глава 1

Солнце в когтях орла

Тянись, тянись, покутная нить.
Крутись, крутись, колесо судьбы.
Молю, Макошь, не надо спешить
Нить жизни рвать твоей верной рабы...

Солнце еще нежилось на мягкой перине в Нави, когда Немира облачилась в припрятанную с вечера одежду, скоренько заплела волосы в тугую косу и на цыпочках устремилась в сени. Она хорошо знала, куда следует ступать, чтобы половицы не выдали скрипом. К тому ж мамка бойко ивовым прутом орудует — тут едва ли не полетишь.

Немира выскочила за дверь, порадовавшись, что не зря накануне петли маслом смазала. Шикнула на проснувшуюся Бульку да выкупила у нее тишину мозговой косточкой. Юркнула за хлев, подхватила узелок и поспешила в лес к назначенному месту. Тут рукой подать — на окраине соснового бора их с мамкой изба примостилась.

— Яринка! — негромко позвала Немира, остановившись у самой высокой сосны в кольце пышного малинника.

— Тут я, — раздался знакомый голос.

— Зачем в чащобу-то забралась?

— Чтоб ни с кем не встретиться.

— Ночь-полночь, хоть глаз выколи, — никто тебя не заметит!

— Да я сама никого замечать не хочу — боязно.

— Вот те раз, — топнула Немира. — Ну и товарка. А на реке тоже струсишь?

— Вот еще! — вылезла из кустов Яринка.

— Ладно, пошли, — смилостивилась Немира. Все ж как бы ни был силен интерес, а одной идти не хотелось. Вот только признаваться в том совсем необязательно.

Яринка ступала след в след, но дергалась от каждого шороха и подпрыгивала от любого скрипа: то ей чудилось, как чьи-то когти рвут гарсет^[2], то мерещились в кустах желтые глаза оборотня, а когда из-под ног выскочил заяц — и вовсе на подружке повисла.

— Ну и трусиха же ты! — подытожила Немира, едва удерживаясь на ногах — не мелкой кости была Яринка.

— Просто он неожиданно выпрыгнул.

— Ну да...

— Надо было с собой Олелько брать.

— Не надо, — отозвалась Немира и невольно вытерла рукавом губы. — А то снова пришлось бы поцелуями расплачиваться.

— Зато вдвоем веселее.

— А может, тебе просто нравится с ним целоваться? — догадалась Немира, пожалев, что в скудном свете луны не рассмотреть лица подружки.

— Вот еще! Нужны мне его поцелуи, как же! Пусть эту ошипанную курицу Макрину слюнявит. Просто... просто тогда бы мы наверняка живыми возвратились. Он ведь самый

сильный на деревне.

Немира не поверила — не по годам рослой была подруженька-ровесница и на старшую сестрицу, что прошлым летом поневу повязала, с завистью глядела, — но вслух сказала:

— И самый наглый. Мы и без него возвратимся. Нож имеется, да и заговор известен.

Яринка только вздохнула. Какое-то время девицы хранили молчание, что время от времени нарушало свиное уханье да отдаленный волчий вой. Когда же воздух посвежел и запахло рекой, Немира велела пригнуться и идти как можно тише. Все ж к встрече следовало подготовиться, а заводь-то вон за теми кустами.

— А ты уверена, что они там будут? Последний покос давным-давно прошел, — едва слышно шептала Яринка. Громко хрустнул хворост под ее ногами.

— Тсс!

Немира резко припала к холодной земле и подружку следом утянула. Девичьи сердца заколотились в такт. Осенний воздух наполнился дивным пением, будто то не голос был, а серебряные колокольчики звенели:

Как ночь сегодня хороша:
Луна в златом сиянии,
Река средь трав и камыша
В блестящем одеянии.
Кольшет легкий ветерок
Мои густые волосы.
Я вдалеке от глаз, дорог,
Без платья да без пояса.
Скорей иди сюда, мой друг,
Согрей меня дыханием,
Теплом объятий, лаской рук.
В лесном благоухании,
Среди прохлады и тоски
Даруй мне пылкость сладкую:
Чтобы объятья, как тиски,
Чтоб поцелуи жаркие...

Яринка не то от ужаса, не то от услышанного распахнула свои и без того немалые глаза так, что Немире даже страшновато стало: вдруг выскочат. Поди потом отыщи в траве да среди жухлых листьев.

— А что, если они нас заметят?

— Тсс.

Немира решила подползти к заводи ближе и потащила за собой подружку. Однако та вдруг уперлась и отчаянно замотала головой.

— Да не трусь ты!

Но Яринка развернулась с явным намерением убежать как можно дальше от нечистого места. Однако и Немира не собиралась сдаваться. Договаривались не уходить, пока не увидят русалок, значит, не уйдут! Вот только справиться с немалым задом подружки оказалось делом не из легких. Пришлось идти на отчаянную меру: хитрая подсечка — и вот Яринка

распласталась на сырой земле, пытаясь сообразить, что произошло. Немира же тем временем выхватила нож и принялась очерчивать большой, до самых камышей, круг, приговаривая обережный заговор, а закончив, предупредила:

— Теперь, если переступишь эту черту, тебя водяницы под воду уволочут. И в глаза им не смотри, а то ни круг, ни заговор не помогут.

Подружка села, подтянула ноги к груди и обиженно прошептала:

— Лучше бы на гаевок смотреть пошли. Они хоть добрые — зверей, птиц лечат.

— Ага, зато против их деда заговором да кольцом защитным не отделаешься! Уж он-то знает, сколько ты поганок от нечего делать посбивала!

— Гаевки хорошие, они бы не дозволили деду меня обидеть, — надула губы Яринка.

— Ну, хочешь, завтра пойдем? — предложила Немира. — Я с удовольствием посчитаю, сколько раз тебе гаюн дубиной по голове настучит.

— Тебе, можно подумать, не настучит!

Немира пожала плечами. Если бы она гаевого деда повстречала, то уж ее-то он первую поколотил бы. Имела Немира дурную привычку поганки да мухоморы пинать. И уж куда чаще подружки это делала. Но на то были причины. Однажды, когда мамка захворала, Хромая Гнеда сделала отвар из свежесобранных мухоморов. Поила им больную и обещала исцеление через пару дней. Только Доминике вдруг так худо стало, что еле-еле откачали, благо староста редкого лекарского порошка отжалел, хоть и пришлось потом пахотой аж три седмицы расплачиваться. После того Немира ни мухоморов, ни старую знахарку не жаловала. А один раз и вовсе ей дверь Булькиным дерьмом измазала, чтоб неповадно было людей травить.

— И все ж не время за гаевками наблюдать. Они как раз сейчас, должно, шерстью обрастают.

— Шерстью? — почесала голову подружка. — Да, пожалуй, красы в таких девах будет мало.

— Давай на русалок поглядим, — предложила Немира. — Зря, что ль, пришли?

Яринка вздрогнула, но затем все же кивнула. Девы тихо подползли к краю берега. Однако очеретовые колтуны не позволяли толком ничего разглядеть.

— Поторопилась ты кольцо очертить, — заметила подружка.

Но Немира не растерялась: подтянула палку и, не покидая спасительного круга, осторожно развела ею давно вызревшие камыши. От увиденного у обеих подружек враз перехватило дыхание. На бревнах да валунах у самого берега сидели нагие девы и расчесывали длинные волосы. Бледная кожа будто светилась в ночи. Водяницы то пели, то замирали, будто в камни претворялись.

— А ты уверена, что это русалки? — спустя пару мгновений жадного созерцания спросила Яринка.

— А кто ж еще?

— Ну, не знаю, — поморщилась подружка, — мало ли какие девки решили искупаться.

— Осенью? Я вон в гарсете на меху мерзну, а они голые...

— Мало ли, дурные какие. Неманос тоже вон однажды напился до одури и голый в прорубь полез. Говорят, с того часу не мужик больше. Сестра теперь его за глаза Немаяйц кличет.

Немира вовремя задушила ладошкой рвущийся наружу смех. Яринка хихикнула, а еще через некоторое время молчаливого наблюдения сделала вывод:

— Знаешь, не такие они и пригожие, русалки эти. Мои волосы куда сильнее блестят. — Она с гордостью потрепала свою русую драгоценность и снисходительно добавила: — Да и твоя коса куда гуще их жиденских паклей будет.

Немира скривила смешную рожицу, изображая водяницу, Яринка прыснула со смеху и тут же зажала рот. Вздогнула. Попятилась:

— Мамочки!

Всего в аршине от круга стояла нагая русалка.

Немира мертвой хваткой вцепилась в подол подружки — не дайте боги, еще сдуру через бережную защиту перелезет.

— Стой, Яринка!

Вот уж теперь водяницу точно нельзя было назвать красавицей. Перекошенное от злости лицо, торчащие во все стороны волосы и остекленевший взгляд, уколотившись о который, Немира тут же отвела свой:

— Только в глаза ей не гляди!

Возобновилась дивная песня. Нежный голос успокаивал, слова проникали в самое сердце, и то вместе с кровью разгоняло по телу покой...

Подружки малость расслабились.

Но водяница вдруг как бросится! Девушки взвизгнули и теснее прижались друг к дружке.

И снова песня. Обволакивающая, ласкающая...

— Ой! — взвизгнула Яринка и зажмурилась.

Водяница опять с глухим ударом отскочила от невидимой стены.

И снова дивный голос заполнил воздух.

Девушки старались не глядеть. Русалка не отступала — стучала, скреблась, ходила по кругу.

— Как же нам теперь домой-то добраться? — прохныкала Яринка.

— К утру она вернется в воду. Осень нынче, днем водяницам по берегу шастать не дозволяется, — заверила Немира, не сводя взгляда с невероятно бледных стоп, будто светящихся в ночной мгле.

— Ты уверена?

— Зуб даю!

Так говорили люди, точнее дядька Неманос. Правда, он плут и пьянчуга, где врет, где правду говорит — никогда не разберешь. Но Немира в истерику не впадала — рассвет покажет, а он, хвала богам, уже скоро. Когда же стало ясно, что к разъяренной водянице не присоединятся товарки, она и вовсе осмелела.

Скоро русалка утомилась и вернулась восвояси. Подружки даже не сразу поверили своему счастью, но переползая бережную границу не спешили.

— Может, поедим?

— Как ты можешь сейчас о еде думать? — шепотом спросила Яринка.

— Голод не тетка, — пожалала плечами Немира и принялась развязывать узелок под громкое урчание в животе.

— Неужели ты ничего не боишься? — восхитилась подружка, жуя сало с хлебом.

— Еще как боится! Ласк да поцелуев! — ответил за Немиру хриплый голос.

— Олелько! — обрадовалась Яринка, спешно приглаживая волосы и расправляя юбку.

— Тебе чего тут надобно? — хмуро поинтересовалась Немира.

— На русалок пришел поглядеть.

— Что ж, гляди, — зашипели из-за прибрежных зарослей.

— Не гляди! — так истошно завопила Яринка, что даже в заводи затихли.

— Скорее в круг! — позвала Немира. — Тут не достанут!

Но Олелько и не требовалось особого приглашения. Завидев разгневанную нежить, он в один прыжок долетел до самого центра бережной защиты, нечаянно толкнув Яринку и распластавшись на Немире.

— Слезь с меня!

— Только за поцелуй, — хохотнул Олелько и потянулся к девичьим устам.

— Еще чего! — фыркнула та и попыталась скинуть с себя тяжеленную тушу.

Ладную бы пару молодец с Яринкой составили. И сложением схожи, и к поцелуям да подобным глупостям оба безудержный интерес имеют.

— Смотрите! Смотрите! — позвала подружка — и, к счастью для Немиры, спасенный «груз» сполз-таки с ее тела. — Это случайно не Данутка?

Олелько остолбенел. У Немиры сжалось горло, отказываясь пропускать воздух. У берега, по колено в лунной дорожке, стояла светловолосая девочка весен пяти. Она тянула тоненькие бледные ручки. Сомнений не осталось — это была сестра Олелько, та самая, что утопла в реке две зимы назад.

— Олелько, братец милый! — певуче заговорила кроха. — Неужто не признал? Иль не рад мне?

— Данутка, — прошептал тот и сделал шаг навстречу.

— Родненький, холодно мне без тебя, плохо на дне речном. Иди сюда, согрей теплом своим.

— Стой! — крикнула Немира и обхватила Олелько за талию. — Это русалка! Не смотри ей в глаза — зачарует!

Но тот словно не замечал потуг девицы, тянувшей его назад.

— Помнишь, как ты мне свой тулупчик давал? — меж тем заговаривала водяничка.

Даже когда на помощь подоспела Яринка, подружки все равно не могли справиться с дюжим молодцем. Его немигающий взгляд не отрывался от утопленницы.

— Немира, еще один шаг, и он...

— Закрой ему глаза!

Яринка прижала ладошки к лицу зачарованного, но тут же была отброшена в сторону. Хорошо хоть, за черту не выбросил.

— А как от бешеной собаки спас, помнишь? И теперь спаси!

Немира изо всех сил пыталась удержать Олелько в одиночку — тщетно, он переступил черту. Она огляделась, но прочих русалок и след простыл.

— И теперь спасу!

— Ой, мамочки! — затравленно пропищала Яринка.

— Иди сюда, Данутка... — позвал замороженный, раскрывая объятия.

— Братец мой милый, — пропела девочка.

Немира в ужасе наблюдала за Олелько, ожидая, что русалки вот-вот вынырнут. Данутка ощерилась, обнажив острые, невероятно длинные клыки. Но братец точно и не заметил того, бормоча, словно теряя остатки разума:

— Иди... спасу... сестричка...

— Нет, Олелько! Вернись! — едва не лопалась от крика Немира.

— Милый мой братик! — Данутка улыбнулась неестественно широко — показалось, ее

голова вот-вот распадется надвое.

— Ой-ой-ой, пропадет... — стенала Яринка, скрутившаяся в клубочек.

Немира сглотнула, покосилась на реку — подозрительно спокойно, — подхватила палку, которой недавно разводила камыш, но быстро поняла — до Данутки не достать. Зато...

— Да очнись ты, балбес!

Палка опустилась прямо на курчавую макушку. Но в себя молодец так и не пришел.

Данутка двинулась ему навстречу.

— Братец мой! Мой!

От жуткого шепота у Немиры волосы встали дыбом. От бывлой певучести не осталось и следа...

— Сестричка... Данутка... Спасу...

— Иди ко мне, скорее!

Жуткие клыки зловеще поблескивали. Еще чуть-чуть — и они вонзятся в теплую плоть... живого братца.

— Дудки!

Немира выскочила из круга, обвила крепкую шею и впиалась в губы зачарованного поцелуем. Мелькнула запоздалая мысль, что сейчас он и ее отшвырнет. Но Олелько вдруг стал целовать в ответ. Немира чуть толкнула — и пара, не размыкая уст, шагнула в круг под размножившееся шипение. Невидимая стена задрожала от яростной атаки невесть откуда взявшихся утопленниц, только Олелько это, видать, ничуть не взволновало — жадная ладонь сползла пониже девичьей талии. Немира взвизгнула и, частично высвободившись, залепила нахалюге звонкую пощечину. Надо же, она тут жизнью рискует, а он вон что задумал!

— Ай! — схватился тот за щеку. — Сама целоваться лезет, а потом дерется!

— Надо было тебя еще раз палкой огреть, да посильнее, авось бы помогло, — буркнула Немира, отпрыгнув на безопасное расстояние.

— И так чуть мозги не вышибла, — пожаловался Олелько и потер макушку.

— Да что там выбивать! Там сроду ничего не было! — фыркнула она.

Русалки еще долго шипели, кидались на невидимую стену, но затем несолоно хлебавши все ж отступили к реке. Странно, но Данутки среди них высмотреть не удалось. Будто сквозь землю провалилась.

— Куда она подевалась? — спросил Олелько.

— Кто ж ведает? — Немире и самой было интересно.

— Может, привиделось? — робко предположила наконец пришедшая в себя от пережитого Яринка.

— Троим сразу? — мотнул головой молодец, провожая взглядом исчезающих в камышах водяниц.

— А Данутка ли это вообще была?

— Думаешь, видение? — переспросил Олелько.

Немира пожала плечами.

— Что-то холодно, — пожаловалась Яринка, сиротливо устроившись на сырой земле подальше от заводи.

— А я тебя согрею, — присел рядом Олелько.

Немира тихонько хмыкнула. Не зря про него в деревне говорят: наш пострел везде поспел.

— Вот еще! Ты бы прежде извинился.

— За что?

— А то не знаешь!

— Ну-ка поведай.

Немира скривилась и снова вытерла губы. Ну да ладно, зато можно спокойно поесть да домой собираться. Вон на востоке небо малость посветлело.

Скоро узелок со снедью опустел. Олелько и Яринка, вдоволь нацеловавшись, но так и не разомкнув объятий, восхищались дивным рассветом, что развернулся над рекой пестрым рушником с затейливыми узорами.

— Нам пора, — объявила Немира, дожевывая кусок.

— А русалки? — боязливо спросила Яринка. Олелько потянулся к узелку.

— Они уже давно под водой скрылись. Если бы вы не были так заняты, то заметили бы, что их даже камни, которые я в воду кидала, не побеспокоили.

— Ну не завидуй. Хочешь, я и тебя поцелую?

— Нет уж! — Немира вскочила на ноги и отошла подальше от ненасытного молодца. Тот хмыкнул и вывернул узелок:

— Надо же, все съела!

— А что, надо было тебя пождать? — спросила Немира, готовая в любой момент кинуться наутек. — Поцелуями не насытился?

— Не совсем, — хитро сощурился Олелько, а уже в следующий миг несся за Немирой, сиганувшей под защиту леса.

— Эй, меня подождите! — побежала следом Яринка.

Немира подобрала палку:

— Еще хочешь?

— Уже и пошутить нельзя, — нашел оправдание своей трусости Олелько и снова перевел внимание на Яринку.

— И думать забудь! Не то братцу пожалуюсь, — пригрозила та.

— Домой? — уточнил вдруг поникший молодец.

— Мне еще надобно красницы собрать, — сказала Немира. — Ступайте вдвоем.

Олелько оглядел округлости Яринки и опять расцвел, но та помотала головой и обиженно заявила:

— Нет, я лучше тоже по красницу.

— А если на вас нападет кто?

— Да тут, кроме тебя, нападать некому, — покрутила дубиной Немира. — Разбойников днем с огнем не сыщешь. Обоз торговый — и тот раз-два за лето заглянет...

— Ладно, понял я, — вздохнул Олелько и, понутив плечи, направился в сторону деревни, но через пару шагов обернулся и бросил: — Только вы это, осторожнее.

Когда широкая спина, обтянутая потрепанным кожушком, скрылась из виду, Немира поторопила спутницу:

— Давай скорее.

— Мы что ж, и правда за красницей пойдём?

— Я ж сказала.

— Но я подумала, что ты просто от Олелько избавиться решила. Зачем тебе ягоды? — заныла Яринка, уразумев, что домой еще не скоро вернется.

— А вдруг повезло — и мамка только утром обнаружила, что меня нет. Тогда могу сказать, что за красницей ходила. А ты мне собирать поможешь.

— Ладно, — сдалась спутница. — Хоть перекушу.

Немира вспыхнула, вспомнив, что расправилась со всеми припасами в одиночку, но споро прогнала стыд — Яринка сама виновата, променяв снедь на поцелуи.

До Малых трясин девицы добрались быстро. Опасались зря — красницы необъятным ковром стелились по желтоватой траве, укрывали болотную воду.

— Эх, жаль, гребень не догадалась прихватить, — посетовала на запоздалость дельной мысли Немира.

Не тратя час на болтовню, подружки принялись за сбор. Правда, Яринка поначалу ягоды только в рот себе клала, но потом все ж примкнула к Немире. Узелок наполнился, когда огненный диск еще только-только выкатился на бирюзовое небо. Обманчиво тихое утро обещало погожий день. Но лезущие в лицо мошки да тучка кричащих галок, едва не коснувшихся крылом головы, говорили яснее ясного: скоро дождь заглянет в гости.

— Пойдем домой уже, — заканючила Яринка. Но Немира и сама уже была не против возвращения. Ночных приключений ей седмицы на две хватит. А самое главное, русалок повидала. Жаль только, что сильно о том не расскажешь: стоит весточке до мамки долететь, так сидеть без боли не придется.

— Давай. Только малость передохнем.

Подружки высмотрели сухую полянку и уселись перевести дух. Солнце поднялось чуть выше, лаская лучами. Немира разомлела и развязала тесьму гарсета.

— Ой, а что это у тебя такое?

— Ничего, — девица спешно отвела руки Яринки и спрятала некстати выскочившую на обозрение подвеску.

— Как это ничего? А еще подружка называется!

— Ладно, гляди, — сдалась Немира. — Только о том — никому ни полслова. Мамка строго-настрога наказывала беречь от чужих глаз.

— Ой, красота-то какая! — восхитилась Яринка, разглядывая небольшой диск, в центре которого орел нес в когтях солнце. — Неужто из золота?! С ума сойти!

— Подумаешь, — пожала плечами Немира, — золотой, не золотой. Все равно никому показывать не дозволяется.

— Зачем тогда носишь?

— Мамка велела. Оберег это.

— Стало быть, примерить не дашь?

Немира покачала головой и спрятала талисман под одеждой, да еще для надежности косой прикрыла.

— А у меня вот, кроме медного колечка, серебряного перстенька с яхонтом, позолоченной гривны, трех пар сережек, бус из скатня^[3], бус из червеца^[4], янтарной подвески и дюжины шелковых лент, ничего и нет, — захлопала огромными глазами подружка.

Немира невольно потеряла свою сережку-капельку:

— Ну, пошли, что ль?

— Ага, — взгляд Яринки все еще испепелял темную косу да гарсет, за которыми покоился оберег. — А знаешь, к нему льняная нитка совсем не подходит. Сюда бы цепь, да не обычную, а с завитками, ну, как у старостиhi... — задумчиво протянула она. — Интересно, где твоя мамка такой раздобыла? Такое богатство, поди, пол-избы стоит, откуда у простой женщины столько де...

— Ты на что намекаешь? — Серые очи Немиры сузились.

— Ни на что, — испуганно залепетала Яринка, косо поглядывая на кулачки подружки. — Просто я столько злата только у кривинских купцов и видала.

— А может, я и есть купчиха! — вздернула подбородок Немира.

— Скажешь тоже... купчиха.

— Тогда княжна!

— Ой, не говори глупостей! И все ж интересно, откуда он...

— Не знаю, но когда-то моя мамка у самого князя в услужении была.

— Врешь!

— А вот и не вру! Может, именно князь за службу и даровал ей талисман!

— Все ты выдумала!

— А вот и нет!

— А вот и да! Иначе в деревне бы ведали о той службе!

— Мамка не любит о том вспоминать и мне никому говорить не велела. А я вот сдуру тебе рассказала и теперича жалею! — нахмурилась Немира.

— Отчего это? — сбавила напор Яринка.

— Оттого, что ты уж наверняка всем разболтаешь.

— Неправда!

— Правда!

— Немирушка, — промурлыкала подружка, — никому не расскажу. Честно-пречестно!

— Точно?

— Обещаю, — заверила Яринка, шире распахнув свои огромные светлые глазюки. — Ты мне только про князя побольше расскажи, ладно?

— Ладно, — смилостивилась Немира. — Хотя я ведь и сама особо ничего не ведаю. Коли мамка упрется, из нее и полслова не вытянешь.

— Про убранство хоромов рассказывала?

— Говорила, что ни на стене, ни на потолке в княжеских палатах нет ни одного кусочка, что без росписи да резьбы бы остался. И все золото, серебро да самоцветы...

— Ух ты! Вот бы хоть одним глазком...

Немира желаний подружки не разделяла. Она привыкла с детства довольствоваться тем, что имела. Разве что до сказок охоча была.

— Пойдем, Яринка, пора уж.

Товарка неохотно поднялась.

Когда минуло полчаса, а деревня так и не показалась, подружки заподозрили неладное.

— Что-то не пойму я, — призналась Яринка, — кажись, не заблудились. Вон клен-рогатина, на котором мы с братом зарубки ставили... Сдается, что мы уже его в третий раз обходим.

— Как и вон ту кривую сосну, у которой летом лисицы собираем. В чем же дело?

— Может, к большаку пойдем? Оно-то длиннее, зато наверняка.

Подружки малость сменили направление и уже отчетливо слышали, как в десятке саженой взбивают пыль копыта, но к тракту выйти не сумели. Точно удерживала их в лесу неведомая сила да, забавляясь, по кругу водила.

— Неужто умудрились снова крюк сделать? — нахмурилась Немира.

— Нет! — пропищала Яринка. — Не в том дело!

— А в чем?

— Это нас русалки наказали.

— Скорей уж гаюн куражится.

— Гаюн? — шепотом переспросила Яринка. В светлых глазах отразился ужас. — Но тогда он нас точно не выпустит. Я этим летом столько поганок потоптала.

— Будет тебе. Если бы лесные духи мстили за каждый разбитый гриб, в нашем селе навряд ли кто живой остался. Давай-ка тут попробуем пройти.

Немира развела в стороны пышные еловые лапы. Напарница кивнула и юркнула первой, словно гаевый дед уже дубиной к пяткам прицеливался.

Выйти к деревне опять не удалось. Как ни меняли подружки направление, как ни крутились, ничего не получалось. Вновь и вновь они возвращались к поляне у Малых трясин. Круге на десятом Яринка залилась слезами и плюхнулась на пушистый мох. Немира всячески старалась подавить растущую внутри себя истерику, но тоже была готова вот-вот пасть духом.

— Что ж делать-то? — задалась она вопросом и уселась подле напарницы, которая только сильнее расплакалась.

— Лучше б я с Олелько пошла! Зачем только тебе эта красница понадобилась? Подумаешь, получила бы от мамки. Красный зад куда лучше погибели.

— Ладно тебе.

— Пропадем мы, ох пропадем!

— На вот, пожуй, — Немира протянула горсть алых горошин. Ягоды прогнали печаль, но только на миг. Когда на ладошке осталась пара жухлых листиков, по румяным щечкам подружки снова покатались блестящие бусины.

— А хочешь, я тебе сказку расскажу? — не зная, как еще успокоить Яринку, предложила Немира.

— Сказку? — всхлипнула та. — Давай.

— Давным-давно, до сотворения нашего мира, от края до края раскинулась мертвая вода, среди которой торчал валун. Как-то Перун так разгулялся, что стал стрелять из верного лука-громовержца в единственный камень. Волшебные стрелы выбили три искорки: белую, желтую и алую. И лишь коснулись искорки мертвой воды, как та зашипела, закипела, взбаламутилась! Поднялся страшный ураган! А когда все успокоилось, мир поделился на части: плодородную землю, чистое небо, высокие горы, реки, поля... Мир наполнился жизнью... Один человек случайно нашел искорки-прародительницы и отдал мудрейшим из правителей. Они должны были хранить их как зеницу ока, чтобы больше никто не смог переделать прекрасный мир, созданный Перуном, чтобы никто, кроме богов, был не в силах изменить течение нашего мира...

— Эту сказку я с пеленок знаю. Расскажи другую.

— Другую?.. Погодь... — принялась Немира. — Тебе не кажется, что гарью пахнет?

Яринка шумно втянула воздух, потом еще раз:

— Верно. Ой, мамочки, неужто лес горит?

— Вряд ли, тогда бы животные и птицы прочь от огнища бежали.

Девушки огляделись. Лес и болото, словно сговорившись, хранили молчание.

— А что, если они уже сбежали?

Немира подняла голову и ахнула. В той стороне, где, по ее разумению, располагалась деревня, лазурное небо подпирали черные столбы дыма.

— Что это? — испуганно прошептала Яринка. Даже слезы вмиг высохли.

— Кажись, пожар в селе! Бежим туда!

— Не надобно вам туда ходить, — раздался хриплый голос.

Девушки так и подскочили.

— Кто это? — взвизгнула Яринка и сиганула за тонкую спину подружки.

— Не бойтесь меня, — улыбнулся в пышную серебристую бороду крохотный старичок.

Он возник неслышно. Точно образовался прямо из воздуха и теперь стоял перед ними, опираясь на ладную кривулину. — Я вам дурного не сделаю.

— Откуда он взялся? — шептала Яринка. — Только что его здесь не было.

— Э-э-э, здравствуй, дедушка, — пролепетала Немира, подозрительно косясь на крючковатый посох да лохмотья, — а почему это нам не надобно в деревню?

— Пришлые всадники туда вторглись. Подворья грабят, людей убивают. Обождите тут, под защитной сенью деревьев.

— Всадники?.. Людей?! Мамка! — ужаснулась Немира и кинулась к дому. Хруст позади оповестил, что Яринка не отстает.

— Погодьте, девоньки!

Но оклик старика потонул в волне вопросов. Всадники? Кто такие? Откуда? Вот, видать, чьих коней они слышали у большака!

Немира утирала бегущие по лицу слезы, но глаз с черных лент дыма, уползающих на небо, не сводила. Видать, потому и сумела выбраться к краю леса, за которым предстала деревня... объятая пламенем, полнящаяся криками, стонами, а еще страшным гоготом чужих голосов.

Девушки спрятались за малинником. При свете дня его голые ветви казались слишком редкими, но более надежного укрытия поблизости не сыскалось. Сердца колотились, отзываясь в висках. Острый непонятный запах впивался в ноздри, оставлял на языке привкус железа, забивал гортань.

Немира осторожно приподнялась, не обращая внимания на причитания Яринки, которая в ужасе свернула калачиком на мху. Родная хата выглядела нетронутой, разве что была слишком тихой, точнее ужасающе тихой.

А может, мамке удалось затаиться или сбежать?

В ответ на предположение распаленный мозг нарисовал страшную картину: распростершуюся на полу молодую женщину с белым-пребелым лицом, какое бывает только у мертвецов.

Только не это!

Рубаха в один миг пропиталась потом.

— Яринка, оставайся тут, я сейчас.

Но «калачик» внезапно ожил и, больно вцепившись в плечи Немиры, истово замотал головой. Никогда прежде светлые глаза подружки не казались столь огромными.

Внезапно раздался стук копыт. Кто-то приближался. Немира упала подле товарки и замерла. Однако, как ни травил изнутри страх, опустить голову не смогла.

— Ищите лучше! — рявкнул всадник с медной кожей и раскосыми глазами, видать главарь. — Выверните деревню наизнанку, но найдите ее!

— Не беспокойся, ей некуда деться. Ближайшее поселение отсюда в пятидесяти верстах. Глухомань редкостная, — ответил один из верзил-близнецов.

Второй зевнул и натянул тетиву. Повернулся влево, вправо и неожиданно пустил стрелу. Немира только и успела, что расслышать, как стрела просвистела где-то совсем рядом.

Яринка всхлипнула.

— Тебе делать нечего? — взвился главарь. — У нас и так стрел почти не осталось.

— Все равно всех уже перебили.

— Найди стрелу, я сказал! — меднокожий обнажил меч и направил острие в горло подельника.

— Ладно-ладно, не горячись, — встрял брат-близнец.

Главарь спрятал меч и поскакал прочь. Верзилы спешили.

— Совсем очумел, — пробормотал тот, что едва не лишился рыжевласой башки.

— Посмотрел бы я на тебя, связанного незыблемой печатью.

— Яринка, надо уходить, — прошептала Немира, поняв, что верзилы направляются к малиннику. — Давай за мной.

Но когда она малость отползла от кустов, то поняла, что подружка даже не шелохнулась. Пришлось вернуться:

— Скорее!

Немира потянула напарницу и от внезапно увиденного закусил губу до крови — в груди подружки торчала стрела. Алое липкое пятно пропитало даже гарсет.

— Яринка! Яринка, очнись! — изо всех сил затрясла она подружку. Сомкнутые веки не вздрогнули.

Громилы приближались. Их голоса становились все громче.

— О боги, боги... Яринка, миленькая, — Немира глотала слезы и изо всех сил тащила подружку. Им бы всего-то вон до того дуба добраться.

— Стрела где-то здесь должна быть. Я ее низко послал.

Немиру точно кипятком обдало. Стрела! Девица осмотрела грудь Яринки. Ой, мамочки-мамочки! Древко глубоко вошло в плоть. Но придется выдернуть и отбросить. Иначе не спастись.

— Болван ты, Рьят! Из-за твоей дурости мы когда-нибудь головы сложим.

— На себя посмотри!

— Бездарь! Мордофиля! Пустозвон!

— Пасть закрой!

Через оплеух и тычков сменилась рукопашной. Немира воспользовалась заминкой: сдерживая тошноту, схватилась за древко обеими руками, зажмурилась и рванула вверх — тело Яринки приподнялось и легло обратно, но стрелу не выпустило.

Никак меж ребер застряла. Но самое страшное, подружка даже не шелохнулась. Точно мертвая...

Мертвая?!

Яркий румянец бесследно растворился в бледной, слишком бледной коже...

Не дыша, Немира приникла ухом к груди недвижимой подружки, но так и не дождалась ни одного удара. О боги...

— Все, Киряк, — простонал из-под брата разбойник, — сдаюсь.

Близнец слез с поверженного, но, видать, решил, что недостаточно научил уму-разуму болвана, и напоследок пнул под дых. Пока Рьят корчился на четвереньках, пытаясь глотнуть воздуха, Киряк возобновил поиски стрелы. А Немира, на грани обморока, ползла к дубу. Ей не хотелось оставлять Яринку даже мертвую, но пробудившийся инстинкт самосохранения вдруг заработал на зависть любому зверю. Когда Немира обрела приют в огромном дупле, Киряк крикнул:

— Эй, иди свою стрелу забирай.

— А сам не можешь? — отозвался Рьят.

— Не могу.

— Ух ты. Жива?

— Нет.

— Жаль. Красивая девка, я б ее... Эй! Ты чего? — захрипел Рьят.

— Тебе же было сказано — хватит глупостей. Доставай стрелу и пошли. Иначе Лисица обоих голов лишит.

Даже когда кони унесли седоков прочь, Немира не сразу выбралась из древесного чрева — дрожащие ноги не желали слушаться. Внутри все прочней укоренялось желание бежать куда глаза глядят, в самую чащобу, в глубь топей, лишь бы подальше отсюда. Останавливал только страх за мамку. Он же удерживал от истерики.

Сделав с десятков глубоких вздохов-выдохов, Немира все ж решилась на бросок к хате. Непривычно затихшую кособокую избу отделяла только тропа, когда девица зацепилась за что-то мягкое и упала. Послышался стон.

— Мамка? Мамка! — под ворохом жухлых листьев да сосновых игл едва можно было разглядеть человека. Немира принялась спешно разбрасывать прикрытие.

— Немира... Хва-ала богам, — едва слышно прошелестели губы, запечатанные бордовой коркой. Но куда страшнее выглядела зеленая рубаха, казавшаяся от крови черной.

— Мамочка, мамочка, что с тобой? — Немира сквозь слезы оглядывала мать и не знала, за что хвататься, чем помочь.

— Послушай...

— Давай, я тебя...

— Пого-оди... — всхлипнула женщина и зажмурилась от боли. Дочь взяла ее руку, такую холодную. — Тебе нужно ухо-одить.

— Я не уйду без тебя, — уперлась Немира, смахнув очередной поток слез.

— Я п-почти мертва, Морена уже обнимает за плечи.

— Нет, мамка, нет, не говори так! Я тебя спасу! Хромая Гнеда поможет!

— О-она мертва, они все мертвы. Послушай, — женщина вдруг стиснула ладонь дочки, предупреждая расспросы. — Оберег... — всхлипнула, зажмурилась, — с тобой?

— Да, вот он, — Немира вытащила золотой диск из-под одежды.

— Хорошо. Всадники ищут е-его... это ключ-ч от... — мамка задышала мелко и часто, — от... — на последнем судорожном вздохе серые очи закатились.

— Нет! — вскрикнула Немира, затрясла женщину, но, так же как и с Яринкой, это не помогло. — Мамка, не помирай! Умоляю, открой очи, — завывала она и тут же до крови закусил губу. В страхе оглянулась. Послышался стук копыт, звонкий свист да улюлюканье. Всадники возвращались...

Немира дрожащими губами прикоснулась ко лбу уже бездыханной родительницы и кинулась в глубь леса. Казалось, раскосые глаза уже выискали ее среди деревьев, а близнецы-верзилы уже навели на тонкую, как камышинка, спину стрелы. Но Немира не останавливалась.

Она бежала и плакала.

Бежала, не ощущая, как ветви рвут косу, хватают за подол. Бежала, не чувствуя, как горит пересохшая гортань. Бежала, запомнив об узелке, полном красницы, что болтался на поясе.

Вперед, подальше от страшных всадников! Вперед, подальше от страшной утраты.

Туда, где можно забыться. Туда, где боль не достанет...

Когда ноги больше не смогли сделать и шагу, слезы иссякли, а мир заволочла бесконечная тоска, Немира рухнула на землю и сомкнула веки. Единственным желанием было уснуть вечным сном, в котором опять можно будет увидеть пригожее моложавое лицо мамки да румяные щечки Яринки, Хромую Гнеду да красноликого Неманоса, а еще Олелько, вечно лезущего с поцелуями...

Глава 2

Великие трясины

Погоня. Погоня. Хрипят в пене кони.
Их скорость мне легкие рвет,
И спину сгибает, как будто в поклоне,
И горло до крови дерет...

Вороной конь громко храпел и неистово бил копытом — передавалась ярость седока. Жар пылающей деревни отогнал всадников подальше. И те молча наблюдали, как ненасытное пламя до черных костей обгладывает добротные избы. Повезло еще, что Стрибог молчал да его помощники силой не мерялись. К тому ж вон как свинцовые тучи раздуло.

Пятеро подельников хорошо поживились на чужом горе — пузатые мешки сдавливали бока лошадей, а кое-кто еще и на себя награбленное нацепил. Вот только отчего-то никто не радовался, а в страхе ожидал, что скажет главарь.

— Какой урод подпалил хранилище? — стальным тоном осведомился Лисица. Именно с огромного сооружения в центре деревни и расползся огонь. Да, связываться с тупоголовыми наемниками — себе дороже. Так и не дождавшись ответа, главарь развернулся и впился взглядом в рыжевласого верзилу, что теребил золотую цепь с завитками. — Ты.

Тот приобрел цвет спелой малины и опустил голову:

— Это вышло случайно. Но ты ж сам велел свидетелей не оставлять...

— Идиот! — От злости главаря кони дернулись, подельники переглянулись. И бояться было чего: из Смедина их выехала дюжина, сейчас осталось всего восемь. Скор на расправу был главарь.

— Я велел всех перебить только после того, как девку същем!

Кони снова забеспокоились.

— Погибла она, видать. В таком огнище никто не уцелеет, — осторожно проговорил Серпугий, старший из подельников.

— Нет, — отчеканил Лисица и втянул трепещущими ноздрями воздух, — она жива. Я чую. Ведьму сюда!

* * *

— А вон еще один! — радостно объявила Яринка, присела и срезала белый гриб. — Смотри, какой огромный!

— И я нашла! — обрадовалась Немира, узрев во мху затейливые рыжеватые шляпки.

— Лисицы... Подумаешь, тоже мне грибы, — фыркнула подружка.

— А вот и неправда! Лисица — замечательный гриб, особенно с репой! — настаивала на своем Немира, хотя на самом деле так не думала. Но не признаваться же в том. Ей почему-то, как назло, сегодня попадались одни треклятые лисицы, а вот подружка уже целое лукошко белых собрала.

— Яринка! — раздался звонкий голос Доминики. — Нам пора, не отставай!

Подружка побежала на зов. Немира только диву далась — с чего бы это мамка Яринку кличет, а ее нет.

— Не забывай меня! — крикнула Яринка, обернувшись.

— Почему я должна тебя забыть? — не поняла Немира.

— Просто не забывай. А лисицы не ешь, плохие это грибы.

Немира резко проснулась, обнаружив себя на мшистой кочке совершенно продрогшей. Села, тряхнула словно разбухшей головой, сгоняя остатки наваждения. И тут из памяти выплыла череда страшных воспоминаний. Они набросились голодными хищниками, грызли, рвали, причиняя яркую, словно всполохи молнии, боль. Следом явился страх — что, если те всадники где-то поблизости? Немира боязливо огляделась — никого, прислушалась, но, хвала богам, ни одного постороннего звука так и не разобрала. Только страх исчезать не спешил. Ведь теперь надо было решить, где укрыться от преследователей.

Появилась только одна мысль... Верно. Если не он, то никто не поможет.

Немира попыталась понять, где находится, и наткнулась взглядом на тройную осинку, у которой летом с мамкой отдыхали после сбора ягод и вялеными колбасками да отварными яйцами снедали. Да морсом запивали. И так было вкусно, так сладко, так хорошо... Сердце снова облилось кровью. Немира длинно выдохнула, собираясь с силами. Путь предстоял нелегкий, да и небо обещало вот-вот разродиться дождем — не час размякать. Она встала, кинула в рот горсть красницы и направилась к Великим трясинам. Вкуса ягод так и не почувствовала...

Поначалу Немира шарахалась от каждого хруста, пряталась от каждого птичьего крика. Но со временем усталость притупила горе и страх.

К зловонным болотам она вышла далеко за полдень с опустевшим узелком и опустошенной душой. Без сил, голодная. Капли дождя становились все больше и падали чаще. Позапрошлой весной они с Яринкой и ее братцем прибегали к Великим трясинам багника^[5] караулить да на огоньки смотреть, но ближе чем на четыре сажени подобраться не решились. Сюда по доброй воле и зверь носа не совал, птица клюва не показывала. Даже большак гигантским крюком огибал эти топи — лучше день пути потерять, зато жизнь сберечь. Ведь что может обитать в толще этого липкого месива кроме нечистиков да нежити? Разве что болотные племена...

Немира отогнала жутковатые образы, разулась и спрятала поршни в узелок. Авось повезет — еще пригодятся. Подобрала длинную палку и, убедившись в ее прочности, сделала первый шаг. Через болота ей не впервой приходилось идти, но только то были Малые трясины. Впрочем, все лучше, чем еще раз встретиться со всадниками, особенно с тем, с раскосыми глазами. Ледяная жижа обняла ногу и, насквозь пропитав портки, обожгла кожу. Дождь усилился. Сивер дохнул в лицо. И уже через пару десятков шагов Немира осознала, как нелегко будет путь.

А когда день стал клониться к закату, озябшая и вымокшая, она выбралась на небольшой островок с пучками желтой травы и решила передохнуть. Жаль красницы совсем не осталось — в животе безудержно урчало. Немира огляделась, но особо и не надеялась отыскать что-нибудь съестное в неприглядном трясинном княжестве. Тут и травы почти не было, а в черных осклизлых корягах едва можно было угадать деревья.

К резким зловонным выдохам багника она уже попривыкла, но по-прежнему с ужасом вспоминала о всадниках, вздрагивала не то от навалившихся воспоминаний, не то от холода.

Когда тени удлиннились втрое, Немира подхватила посох и продолжила путь.

Дождь закончился. А вот сгущающийся туман расплзлся, захватывая все новые и новые участки топи. Этак можно и с пути сбиться. Хвала богам, что уже недалече. Холодная жижа смрадно булькала и нехотя, с причмоком выпускала девичьи ступни. Зубы стучали словно трещотка, но Немира, стараясь не обращать внимания на усталость, не останавливалась. Слишком коварны здешние места.

Когда тонкорунный туман заволок болото полностью, Немира занервничала. По ее подсчетам, хата должна была вот-вот показаться, но, кроме чудно изогнутых кокор, видно ничего не было. Неужто взяла правее, чем надобно? Из-за густой серой пелены теперь и подавно не понять, куда двигаться дальше. Да еще и огоньки, два, пять, десяток...

Шаг, еще шаг. Пробираться становилось все тяжелее. А вокруг, как назло, ни одного островка, чтоб хоть дух перевести. Ни филин не ухнет, ни ворона не каркнет. Глухие места, мертвые. Страшно. А еще страшнее, что где-то там, позади, по следу идет лютый двуногий зверь, убивший мамку, Яринку и всех селян.

Снова шаг. Еще. Вдруг стопа поехала влево — Немира в мгновение ока увязла по пояс. Попыталась выбраться, опираясь на посох, но тот выскользнул из рук и скрылся из виду. Она лихорадочно огляделась в поисках хоть какой коряги. Но зловредное вакорье будто отступило в насмешку над бестолковой путницей. Болото глотнуло — и тело погрузилось в зловонную жижу по грудь. Немира отчаянно заработала ногами. Где-то на задворках памяти зажглось понимание, что от этого станет только хуже. Но рвущаяся истерика в корне его затушила.

«Нет, только не здесь! Только не так!» — дикой птахой билась мысль в голове.

— Помогите! — завопила Немира. Авось услышит?! А вдруг придет?! — Помогите!

Но трясина хранила молчание.

— Помогите!!! — истошно орала она, глубже проваливаясь в холодную черную массу. — Помогите!!!

Вдруг послышалось кряхтение. А следом, всего в двух локтях от Немиры, показался холм. Он рос, рос и претворился в места подгнившую голову с самой омерзительной рожей, какую только доводилось встречать Немире за все свои тринадцать весен.

— Багник! — облачилась в слова страшная догадка.

Одноглазое чудовище с налипшими корками тины распахнуло черную пасть.

* * *

Подельники, удерживая коней под уздцы, настороженно наблюдали за старухой. Новехонький черный плащ развевался от дикого кружения, обнажая невообразимые лохмотья. Седые космы топорщились, вставали дыбом и опускались на покатые плечи. Немытое лицо, покрытое морщинами и бородавками, заалело. Руки очерчивали странные фигуры, колотили амулетами, среди которых Рвят заметил десяток желтоватых резцов, подозрительно похожих на человеческие, а еще мутно-белые пластинки. Он пригляделся и с отвращением отпрянул — ногти! А когда ведьма вдруг замерла и, закатив очи, выпучила бельма, сглотнул и поскорее отступил к товарищам.

— Ну? — нетерпеливо потребовал Лисица.

— Ты прав, мой господин, жива девка, — проскрипела старуха.

— Где она?

Ведьма шумно втянула воздух, потом еще и еще.

— Принюхивается точно собака. Карга старая, — тихонько оповестил остальных Киряк.

Подельники часто закивали.

— Она покинула деревню, — выдохнула старуха, не сводя белым с рыжевласых близнецов. Те неуютно переступили с ноги на ногу и, опустив глаза, сплюнули — кто ведает эту ведьму, заколдует еще.

— Куда? Куда она пошла? — жадно спросил главарь.

Старуха мерзко захохотала. Кони заржали. По спинам лиходеев пробежал холодок.

— Отвечай! — приказал Лисица, похоже, единственный из всех не страшившийся старухи и ее ворожбы.

— Сейчас, мой господин, сейчас узнаем. — Вместо белым в глазницах снова блестели зрачки. Старуха выудила из сумки полотняный мешочек, высыпала его содержимое на ладонь и, накрыв сверху другой, принялась трясти. Затем подкинула в воздух и отошла. Костяные руны рассыпались по земле, сложив затейливый узор. Какое-то время Юга внимательно вглядывалась в него, а затем узловатым пальцем указала на лес.

— За мной! — бросил Лисица и направил коня в чащобу.

Подельники мигом возвратились в седла. Замешкался только Рьят. К нему-то с проворностью молодухи и подскочила Юга. По негласному правилу, везти ведьму следовало последнему. Верзила вздрогнул, когда старушечьи руки обхватили его грудь. А заметив довольную рожу Прокши, чей конь наконец избавился от лишнего седока, дал себе зарок в следующий раз не оплошать и ни за что не остаться в хвосте. Дурацкое хихиканье и прижимания вонючей карги только упрочили мысль.

* * *

— Сама ты багник! — пробулькало чудище. Показалось, или оно обиделось?

Немире чудом удалось ухватиться за какую-то ветку, подтянуться и высвободиться до пояса, прежде чем подгнившая «ниточка» оборвалась.

— Кикимора? — догадалась Немира, сама себе дивясь: уродливый болотный лик почему-то больше не вызывал страха. Ну, или тот просто не ощущался рядом с ужасом утопнуть в Великих трясилах.

— От кикиморы слышу!

Гляньте, точно обижается! Немира умудрилась плашмя улечься на жижу и теперь пыталась отдышаться. Еще от мамки она слыхала, что если болотную нечисть заговорить, то хитростью можно даже заставить помочь.

— Русалка я! — гордо заявило пугало.

— Русалка? — В голове пронеслись дивные бескровные образы водяниц, что давеча они с Яринкой да Олелько наблюдали. Но разве можно сравнить тех девиц, даже пышущих злобой, с этим чучелом?

— Русалка, — подтвердила мерзость и подгнившей рукой откинула со лба тину, видать, то были волосы. — Болотная русалка.

— Убить меня хочешь?

— Вот еще, — фыркнула нечисть, мигнув единственным глазом. — Сроду никого жизни не лишала!

— Тогда, может, подсобишь? — понадеялась Немира.

— Не-а, — зевнула «красотулька».

— Почему?

Но вместо ответа русалка спряталась и вынырнула уже с другого бока, локтях в четырех. Внезапно что-то громыхнуло. Жижа дрогнула. Великие трясины накрыла тошнотворная волна смрада, даже малость туман разогнав.

— Что это? — испугалась Немира.

Русалка с удовольствием втянула вонь:

— Как дивно пахнет, правда?

— Ага, — согласилась Немира, едва сдерживая рвотный позыв. — Что это был за шум... пригожуня?

— Это багник, — ответила наконец несговорчивая нечисть — никак лесть свое дело сделала. — Ну, поплыву я, что ль.

Немира на миг представила, каков из себя хозяин здешней топи, если в его княжестве такие русалки водятся, и попыталась остановить чудище:

— Куда же ты, раскрасавица? Дозволь еще хоть малость полюбоваться на твое личико румяное, локоны дивные, да голосом твоим слух усладить, — задыхалась Немира, с трудом удерживая себя поверх черного месива. Хотела было про око что-то сказать, да вовремя спохватилась — авось и не ведает нечисть, что одно оно у нее.

— Да я бы с радостью, только вообще-то с багником дружбы не вожу. Но подивишься на меня обязательно. Очень скоро, — мерзкий рот растянулся в недоброй улыбке. — Он ведь в живых никого не оставляет. Уж больно ненасытен. Дух человеческий ему всего милее. Но и мне хорошо: наконец подружка будет.

— Подружка?! — в ужасе переспросила Немира, а нечисть уже стала опускаться в жижу. — Русалка, миленькая, вернись! Я о тебе каждому встречному рассказывать стану! Далеко молва людская о твоей красе понесется!

Ужасающий грохот повторился. Смрад снова забился в ноздри. К горлу подкатила тошнота.

Русалка задумчиво вдыхала «дивный аромат», но нырять не спешила. А Немира тем временем заливалась соловьем, растекалась медом:

— А если погибну, так и знай: никто о тебе в целом свете никогда не узнает! Никто не захочет прийти сюда и подивиться на облик твой расчудесный, на лик твой, коего краше не бывает, на локоны твои...

— Ладно, — снисходительно булькнула русалка. — Так и быть, отвлеку его, пока ты выбираться станешь.

Подгнившая голова скрылась в черноте.

— Хоть бы палку какую подала, — вздохнула Немира и, к своему изумлению, почувствовала, как в ладонь что-то ткнулось. Посох! Она обхватила спасителя и кое-как снова выбралась на тропу. Третий грохот испугал еще сильнее. Но на этот раз Немира не поддалась всколыхнувшейся истерике и, крепче сжав палку, лишь тверже ступала.

Она почти выбралась из трясины, почти очутилась в безопасности, когда багник снова громыхнул. На этот раз он, похоже, вложил в страшный звук всю свою силу — Немира не удержалась и снова упала в трясину. Всего в трех шагах от берега. Видать, не привык болотный князек так просто жертву отпускать. В этот раз жижа принялась заглатывать куда проворнее, куда спешнее. И посох не спас.

— Русалочка, милая, вернись, помоги!

Но как ни звала Немира, как ни надрывалась, болотная красунья так и не вылезла. Вот уже холодное месиво обхватило грудь...

— Помогите!

...добралось до плеч...

— Помогите! Кто-нибудь!

...склизким ледяным обручем обнял шею...

— Помогите!!!

Тело увязло еще глубже. Зловонная жижа полилась в рот, забивая горло, легкие, не позволяя позвать на помощь. Немира изо всех сил тянулась подбородком вверх, жадно ловила ноздрями воздух и пищала. Но разве услышит кто этот мышинный зов?

Поняв, что на этот раз пропадает и спасителя ждать неоткуда, она зажмурилась и постаралась представить мамку — все легче помирать. «Хоть бы только в такую русалку не превратиться», — напоследок подумала Немира, захлебываясь смрадными водами.

— Девонька, хватайся!

Какой странный голос у мамки. Ведь это она? Кличет у входа в Навье?

— Скорей, милая!

Немира открыла глаза. На берегу стоял тот самый старик, что просил их с Яринкой не ходить в деревню. Спасена! Вот только за что хвататься-то? Ни палки, ни веревки он не бросил. И тут случилось нечто странное. Протянутая дедом рука вдруг с громким скрипом принялась расти-удлиняться, пока не оказалась точно подле ладони Немиры. Девица ухватилась за кисть, отметив, что будто не за плоть человечесью, а за деревяшку взялась.

— Вот и добре, — улыбнулся старик в серебристую бороду, пока спасенная отплевывалась болотной жижей.

— Спа-аси-ибо, де-еду-ушка-а, — прокашляла благодарная Немира.

— А что ж на ночь глядя да в такие дебри забралась? Я за три версты услышал, как багник расвирепел. Давно он человечесьим духом не баловался. Диво, что ты вообще сумела в одиночку через эти трясины перебраться.

— А я б сама и не сдюжила. Мне болотная русалка помогла.

— Вот как? — подивился старик. — Сроду о подобном не слыхивал. Это что ж ты ей наговорила?

— Чего только на пороге Навья не придумаешь! — улыбнулась Немира, ощущая неудержимую радость, что сумела-таки спастись.

— Верно. А как тут-то оказалась? — Два черных с красными зрачками глаза, будто пылающие угольки, внимательно всматривались в Немиру.

— Прав ты был, дедушка, — горько вздохнула она, — пожгли нашу деревню пришлые всадники. Всех селян погубили. Мамку, Яринку...

— Яринку? Это та девица, с которой я вас по лесу водил?

— Так то ты не позволял нам в деревню воротиться? — догадалась Немира.

— Так. Я, — мигнул уголек.

— Кто ж ты такой, дедушка?

— Лесун я, девонька. Леший, лесовик... Как там еще у вас меня кличут? Но ты не страшись. Ничего дурного я тебе не сделаю.

Немира уважительно кивнула. Кабы хотел, то еще утром извел бы их вместе с Яринкой. Всем ведь ведомо, что леший может водить людей по лесу, пока те от голода да от холода не

погибнут. Но не извел. Наоборот, помочь пытался.

— Куда путь держишь?

— К ведьмарю-батюшке. За подмогой к нему иду. Авось не откажет... — Вдруг серые очи так и засияли. — Дедушка, а может, ты позволишь у тебя в хате от всадников схорониться?

А ведьмарь... Немира невольно вздрогнула. Она всего дважды в своей жизни видела этого странного человека, да и человека ли? Один раз, когда его позвали оспу из села выгнать, и в другой, когда вурдалаки объявились. Хмурый, нелюдимый... Он пугал и манил одновременно. А старик хоть и лесун, но добрый и приветливый.

Ведьмарь же... Что, если прочь погонит или вообще слушать не станет? Вон старшие девицы рассказывали, как однажды встретили его у реки на Купалье да просили, чтоб поворожил им. Так он не только ворожить не стал, на пять дней речи лишил. А в следующий раз грозился носы в пятаки обратить.

— Нет, девонька, не выйдет ничего. Нет у меня хаты. Негде тебя от дождя да холода укрыть.

— А где ж ты живешь?

— В дупле старого клена. Вместе с другом-бельчонком. Он меня все орехами да грибами сушеными потчует...

Вдруг болото снова гроыхнуло. Туман рассеялся, обнажив россыпь зеленых огоньков.

— Пойдем-ка отсюда, девонька. Багник редко, а все ж на берег своей трясины выбираться может. Тогда и мне несдобровать.

Немира пугливо оглянулась и поспешила за лесуном. Сумерки уже укутали и болото, и лес, да потихоньку отступали перед приходом царицы-ночи. Когда радость от спасения несколько схлынула, Немира снова ощутила тяжкий груз на сердце. А еще холод. Промокшая, грязная одежда неприятно липла к телу при каждом шаге. И хоть ветра не было, зуб на зуб не попадал. Да желудок урчал так громко, что девице чудилось — даже в такой час можно заметить, как алеет ее лик.

— Ой, да ты голодная совсем. И озябла. Это мне, деревяшке, все нипочем, а ты — человек... Ну ничего. Сейчас мы тебя и отогреем, и накормим.

Лесун вывел ее на небольшую сухую полянку и вмиг костер распалил. Немира жадно потянулась к теплу. Одежда, высыхая, дымила, зато зубы перестали стучать. Жижа тоже высохла и теперь вонючей коркой стягивала кожу. Немира потеряла щеку — впусе, так просто не отодрать. Косу даже расплетать не хотелось — легко всей трясиной гадости и не выберешь. На гарсет и юбку жалко было глядеть. А ведь это был самый лучший наряд (специально выбирала, чтоб подле русалок дурнушкой не казаться). Теперь и единственный... Хорошо обувку сохранила. Немира вытащила из узелка поршни и придиричиво оглядела. Вымокли, хоть отжимай. Зато смрадной грязи не набрали — и то хорошо. Она опустила кожаную пару на землю недалече от костра.

Эх, помыться бы. Да где ж такую роскошь сыскать? Вода если и встретится где, так студеная. Все ж осень на исходе. Немира невольно вздрогнула, припомнив ледяные объятия болота, и на полшапочка приблизилась к танцующему огню.

— Здравствуй, Рыжик, — поздоровался с кем-то в темноту старик. Немира настороженно попыталась рассмотреть гостя, но ослепленным ярким пламенем глазам это никак не удавалось. Хотя, может, там никого важного и не было? Точнее, дед-то — лесун, а значит, и с жучком поздороваться не побрезгует, и желудь поприветствует. Только вот

«рыжик»... Поздний гриб? — Не спится?

В круг света от костра прыгнуло что-то махонькое, пушистое и рыжее. Белка! Немира не сумела сдержать улыбки.

— Вот, мой друг Рыжик.

— А меня Немирой кличут, — еще шире улыбнулась девица, пытаясь разглядеть юркую зверушку.

— Это ведь он мне рассказал, что ты в болоте топнешь.

— Правда? Спасибо, Рыжик.

Бельчонок прыгнул на морщинистую ладонь, а затем ловко перебрался на плечо. Что-то защебетал на ухо лесуну. Старик лукаво улыбнулся:

— А ты сам и отдай.

Мальш соскочил наземь и скрылся в темноте.

— Куда это он?

— Сама увидишь, — подмигнул старик. — Погоди малехо.

Дед согрел воды (благо, недалече родничок отыскался), и Немира кое-как обмылась, даже волосы вычистила. Скоро послышался стрекот — вернулся Рыжик. На этот раз он двигался куда медленнее, что-то волоча за собой. Подкатил к девичьим ногам.

— Это тебе, — перевел лесун.

Немира присела и посмотрела на подарок. Клубень какой, что ли? Сморщенный, шероховатый, размером с мужской кулак... Подняла, принялась.

— Ой, так это ж коровий хлеб! — обрадовалась она. — Благодарствую!

Пока она вертела гриб в руках, Рыжик успел еще три таких приволочь.

— Ты грейся, девонька, а я покуда их сготовлю. — Старик тоже часу зря не терял — отыскал ладный прут, заточил и принялся нанизывать находки. Скоро поляну заполнил такой аромат, что желудок Немиры заурчал пуще прежнего, а рот наполнился слюной.

— Угощайся, красавица, — протянул старик палочку с жареным коровьим хлебом.

— И ты, дедушка.

Лесун не стал отказываться, но удовольствовался самым маленьким грибом. Пока Немира расправлялась с горячей снедью, бельчонок натащил орехов да разных сушеных ягод. Орехи старик очистил и предложил есть вприкуску. А вот из ягод сварил морс (в невесть откуда взявшемся котелке), который даже без меду оказался сладким. Никогда прежде Немира с таким вкусом не вечеряла. Рыжик лег ей на плечи живым воротником, пока гарсет сох на ветке. Бельчонок почти ничего не весил, зато грел не хуже печки. Немира время от времени подкармливала его орехами и с удовольствием слушала, как хрустит лакомство в острых зубках.

* * *

— Оставляем коней тут! — приказал Лисица, когда его рысак отказался ступить на неверную болотную твердь. Подельники молча переглянулись. Главарь подошел к краю и попытался высмотреть противоположный берег трясины. Но расплзшаяся темнота и сгустившийся туман надежно скрывали границы, не позволяя понять, насколько протянулась топь. А еще огни... Зеленые, манящие...

— Мы что, через Великие трясины пойдем? Ночью?! — полным испуга шепотом

спросил Казлейка, что девятнадцатую весну приветил. Главварь одарил самого юного подельника презрительным хмыканьем.

— Недобрые это места, — осторожно сказал Серпугий, почесав затылок под засаленной суконной шапкой.

— Неужто боишься? — рыкнул Лисица.

Разговор прервал дикий рев. Кони встали на дыбы, попятились к лесу.

— Что это? — воскликнул Рьят.

Ответом ему стал дикий скрипучий смех ведьмы, что единственная осталась сидеть верхом:

— Багник! Зол как никогда!

— Так чего ты ржешь, дура старая?! — взвился Лисица.

— А чего ж не радоваться? — точно не расслышала непочтительное обращение Юга. — Стало быть, жива наша красавица. Через болото целехонькой перебралась. А багник рвет и мечет, ему ведь только и осталось, что след ее вдыхать.

— Раз девка прошла, то и мы пройдем, — заключил главварь. — Ты, — указал он на тощего и длинного, точно жердь, подельника, — ступай первым.

— Но... — испугался тот.

— Вперед, я сказал! — рывкнул Лисица и обнажил меч.

«Жердь» огляделся в надежде, что кто-нибудь из подельников встанет на его сторону. Но желающих не сыскалось: своя шкура дорога.

— Вот, возьми, — спешившаяся ведьма сунула в ладони «избранному» крепкую палку.

— Чтоб болото перейти? — воспытал тот надеждой.

— Чтоб от багника отбиваться, — не то заскрипела, не то засмеялась Юга.

«Жердь» обреченно вздохнул и сделал первый шаг. Подождал. Ничего не случилось. Потом еще. Потом опять. Через десяток-два шага стали увереннее. И Лисица уже готов был отдать приказ двигаться следом. Но ведьма, угадав задумку главваря, предложила обождать. Вдруг раздался дикий рев болотного князька. Зеленые огни стали ярче. Над изрядно удалившейся от берега фигурой нависла черная глыба.

Крик о помощи. Жалкое плесканье дарованной палки. Отвратительный хруст костей и смачное чавканье...

Ведьма снова заржала:

— Я ж говорила — тут не пройти!

Напуганные люди попятились, едва удерживая ополоумевших от ужаса коней. Только Лисица с досадой все еще глядел в ту сторону, где только что пропал один из его пособников.

Все пошло не так. Все с самого начала пошло не так! Жаль, что ему не дали настоящих воинов. Пришлось брать эту падаль, что и ограбить толком не умеет. Ведь с самого начала было сказано: взять девку живой, по-тихому, без лишней суеты. А они что утворили? Только копыто его коня ступило на большак, как эти идиоты принялись палить из лука в каждого встречного, насиловать баб да хватать все, что представляло мало-мальскую ценность. И что в итоге? Девку упустили, а вместе с ней подвеску... Эх, сюда бы сейчас его верных товарищей, что испустили дух в пеньковых петлях. Поди, вороны до сих пор тела клюют. А Казинка оттого еще больше засмердела...

Руку нестерпимо жгло. Лисица оттянул рукав и провел пальцами по печати. Ее очертания были заметны даже в темноте — чуть светились голубоватым: орел, несущий в когтях солнце.

— Зато болотным девкам будет с кем шашни крутить, — заскрипела Юга и с нежностью поглядела на Рьята.

Главарь резко схватил ведьму за космы и приставил меч к обнажившейся шее. Старуха захрипела.

— В следующий раз ясней сказывай. Я ведь всегда могу другой ведьмой разжиться, — процедил он сквозь зубы.

— Ладно-ладно, милок, не ярись, — вытаращилась Юга.

Главарь липовал (и он, и старуха о том хорошо ведали). Сыскать колдунью, по силе и чародейным умениям сравнимую с этой, трудно. Но у Лисицы иной раз по злобе застило глаза, а потому горло вмиг мог перерезать.

Меч вернулся в ножны.

— Может, багник нажрался уже? — хмуро предположил главарь.

— Э-э нет, так просто его не накормишь. Истосковался он по людскому духу. Никого не пропустит, — пояснила Юга.

— Так сделай что-нибудь, чтоб пропустил, старая карга, — потребовал Лисица.

— А что ж я сделаю? — выпучилась та.

— Задобри, заколдуй, изгони, в конце концов!

— Помилуй, я ж не ведьмарь тебе, — старуха на всякий случай отошла от главаря.

Над трясиной прокатился рокот — не то рыгнул болотный князек, не то возжелал новой жертвы. Кони заржали. Люди переглянулись.

— Да его нынче и сотней не задобришь, — махнула в сторону мигающей топи ведьма. — В обход надобно идти. В обход.

Лисица фыркнул, но знаком велел следовать за собой. Подельники облегченно выдохнули — хвала богам, не полакомиться багнику ими. Рьят с улыбкой до ушей сунул Юге поводья кобылы, принадлежавшей «Жерди». Но ведьма замотала головой.

— Почему? — насторожился разбойник. — Кобыла свободна. Теперь она твоя.

— Э-э-э, какой хитрый, — подмигнула старуха. — Не умею я на конях разъезжать. Силенок не осталось лошадей укрощать. А вот с тобой, славный воин, мне скакати за радость!

Улыбка Рьята совсем погасла, когда Лисица приказал избавиться от лишней поклажи и отпустить коней, всех, кроме гнедой кобылы. Именно на ней рыжему подельнику было велено везти старуху, что весь час, точно влюбленная девица, заламывала костлявые руки, бросала томные взгляды и растягивала беззубый рот.

Когда главарь объявил привал, Рьят поспешил устроиться возле брата да подальше от уродливой ведьмы.

* * *

Поршни и одежда высохли. Немира согрелась и наелась. Лесун, чтобы как-то отвлечь ее от грустных мыслей, поведал пару сказок, а бельчонок даже исполнил несколько трюков, да так ловко, что она все ладони отхлопала.

Вдруг в кольцо света ворвалась птица и примостилась аккуратно на плече старика. Кажись, сыч. Он долго глядел на Немиру янтарными бусинами, а потом что-то ухнул.

— Ой-ой, неужто? — покачал головой лесун.

— Что такое, дедушка?

— Всадники за тобой по следу идут.

— Где? — вскочила Немира, невольно согнав с плеч Рыжика, и принялась в страхе озираться по сторонам.

— Тише, милая, — лесун вытянул перед собой ладонь, — успокойся. Покуда далече. Багник их не пропустил. В обход пошли. А это два дня пути, а то и больше. Но засиживаться не след.

Немира кивнула. Ей очень хотелось оказаться как можно дальше от преследователей.

Поршни несколько задубели, потеряв былую мягкость. Но все ж идти в них было куда приятней, нежели босиком.

Лесун явно заговаривал лес. Ибо под ноги еще ни одной коряги, ни одной ямки не попало. Только земля, вместо склизкой жижи устланная мягким мхом. И хотя в руках старец держал факел, все ж его света навряд ли достало бы, чтобы углядеть коварную колдобину иль подлый корч.

— Колдуешь, дедушка? — любопытствовала Немира, стараясь не думать о предстоящей встрече с ведьмарем.

— Помаленьку шепчу, девонька. Лес — он ведь доброму человеку завсегда помочь рад.

Немира припомнила, как сбивала мухоморы да поганки, и устыдилась того. А когда подняла голову, на миг почудилось, что ели чуть качнули верхушками, словно принимая извинения.

— А долго ли нам еще, дедушка? — она не сетовала. Наоборот, ей хотелось вот так идти и идти, не ведать ни усталости, ни печали. Рядом с добрым лесуном она чувствовала себя спокойно и в безопасности.

— Да нет. Вон он.

Немира поглядела в сторону, куда указала рука, похожая на сучковатую ветку, и ахнула. Глазам открылся холм, на котором стоял залитый светом добротный дом. Надо же. А она ведь всегда представляла себе избу ведьмаря по-иному. Приземистой и зловещей... Может, даже на курьих ножках. А тут мало того, что светло как днем, так еще и ладный хлев подле примостился.

— Ну что ж, вот и пришел час нам расстаться, — сказал лесун.

— Ты со мной не пойдешь? — грустно спросила Немира.

— Нет, девонька. Дел у меня еще много, — тепло улыбнулся старик. — Да ты не страшись. Он только с виду нелюдим.

— Ладно, — сглотнула Немира и снова поглядела на избу. — Столько света... Неужто ведьмарь нечистиков да нежити совсем не страшится?

Не дождавшись ответа, она перевела взгляд на лесуна. Но того и след простыл. Точно в воздухе растворился. Вместе с бельчонком.

Глава 3

Ведьмарь

— Дедушка.

Никто не отозвался. Утопающая в темноте чащоба обступала со всех сторон, безмолвная, таящая угрозу. Воспоминания о погоне, умирающей мамке, Яринке, пронзенной стрелой, холодком пробежали по спине — и Немира поскорее шагнула в круг света. Будто, если его грань ночь переступить не смеет, страхи тем паче не решатся. Она одолела две ступеньки и постучала. Но ни через мгновение тревожного ожидания, ни через несколько дубовая охранительница не отворилась. Угрюмое бородатое лицо не показалось. Может, изба пуста? Хотя... разве покинул бы хозяин затепленные светцы? Словно в подтверждение догадкам, из хаты донеслось сдавленное звериное рычание, а следом многоголосное бряцанье, как от бьющейся посуды.

Немира забарабанила по шероховатой древесине кулаками. И, хотя странные звуки настораживали и пугали, стук робче не стал. Обратной дороги нет. И если придется, то она заночует прямо тут, на крыльце. Правда, хотелось бы все ж в тепле. В конце концов, разве не надлежит ведьмарям людей оберегать? К кулакам присоединилась пятка. Дверь заходила ходуном — даже глухой учует.

Наконец послышалось приближающееся шарканье. Изба распахнула рот — в проеме возник незнакомый мужчина, обнаженный по пояс. Темные волосы слипшимися грязными прядями ниспадали на лоб и плечи, цеплялись за щетину на подбородке. Крепкий торс «украшали» многочисленные застарелые рубцы и свежие раны, одни из которых покрылись бурой коркой, другие сильно кровоточили.

— Чего явилась? — процедил незнакомец, шумно лоя ноздрями воздух.

— Т-т-так к ведьмарю-батюшке. Не скажешь ли, где он, добрый человек? — чуть отступила Немира. Что, если это пришлый убивец? Зарубил хозяина, а теперь поселился в его хате.

— Я это, — едва раскрывая рот, точно у него разом заболели все зубы, сказал мужчина. Немира пригляделась. Бледный лик блестит от пота. Вместо шелковистой бороды — щетина. Темные глаза пылают недобрым, неприветливым огнем. Кажись, он... Этот колючий взгляд дикого зверя. Точно, ведьмарь! Только... с ним что-то явно не так. И дело вовсе не в отсутствии бороды и волосах, что смоляными сосульками свисают с головы.

— Не гони, батюшка! За помощью пришла. Беда в селе... — Немира вдруг смолкла и приоткрыла рот, не в силах отвести взгляда. Кожа на лице мужчины пошла рябью, точно вода на реке.

— Ну? — потребовал дальнейшего рассказа хозяин избы. В это мгновение меж четко очерченных губ показался язык. Длинный и раздвоенный, как у змеи! Гостья попятилась. — Говори или ступай прочь!

Немира только хлопала глазами, не в силах отвести взгляда от плотно сомкнутого рта. Показалось? Иль взаправду? И только когда дверь вдруг стала смыкаться, ее прорвало словно плотину:

— Всадники! На нас всадники напали! Людей убили! Яринку! Мамку! Избы пожгли! За мной по пятам следуют!

— Меня это не касается. Уходи, — не разжимая губ, выдавил ведьмарь. Вроде ж у него только что темные глаза были. А теперь вдруг посветлели. И зрачки такие странные, узкие, точно у кошки.

Дверь снова стала закрываться.

— Как?.. — опешила Немира, вовремя подставив ступню. Она допускала, что прием может оказаться прохладным. Но не безразличным же. Да еще настолько! — Как это не касается?!

— Я не ввязываюсь в дела людей, — лик хозяина избы вдруг застыл, точно вырезанный из древесины.

— Ты же ведьмарь! Разве не к тебе за помощью ходят?

— Мой удел защищать людей от нечистиков да нежити. Междоусобицы разрешайте сами.

— Но... — Немира едва не задохнулась от негодования. — Неужто тебе все равно?! Как же селяне?

— Им все равно уже ничем не помочь.

— А как же я?

— Ступай к леснику. Он вроде дядька твой, — ведьмарь сглотнул, вытянув шею, которая вдруг покрылась струпьями, будто чешуей, и тут же снова разгладилась.

— К Трувару? Ни за что! Он меня... он меня... — Кровь кипятком прилила к лику.

Уж лучше прямиком всадникам сдать! Немира хорошо помнила, словно то вчера случилось, как бесстыдник лесник насильничать над ней пытался. Хорошо, один добрый человек хитрому приему обучил, да оглобля справная вовремя подвернулась. И поделом, что Трувар потом седмицу с лавки подняться не мог!

— Некуда мне податься!

— Уходи, — повторил ведьмарь. Его голубые очи уже переменились на ярко-желтые. По коже снова пробежала волна. Не чудится! Никак колдует...

— Но ведь уже темно, — она с тревогой оглянулась на зловещий ночной лес. — Дозволь хоть переночевать у тебя.

— Нет! — рывкнул хозяин избы и обхватил ладонями горло, точно пытался себя задушить.

Немира вдруг осознала, что «пустыми» к ведьмарям не ходят. Потянулась к груди, где болтался амулет, но тут же припомнила просьбу родительницы и сняла сережку.

— Вот возьми, — протянула она серебряную капельку, что мамка на шестую весну даровала. Ухватила за второе ухо, но другой сережки не нашла. Потеряла!

Ведьмарь отмахнулся от подношения, да так, что выбил украшение с ладони, и то, описав в воздухе сверкающую дугу, улетело куда-то в траву. По суровому лицу снова прокатилась волна.

— Убирайся! Не то я тебя в жабу оберну!

Немира в страхе отступила. Дверь громко захлопнулась.

Неманос не раз рассказывал, как ведьмарь его в гадюку хотел претворить. И однажды даже руку с колдовством занес, да только меж ними огромный черный кот вовремя пробежал. Вот ведьмарь и отступил. По разумению Неманоса, то сам Варгин^[6] был, на сторону человека встал.

На этот раз на подмогу человеку никто не спешил. Немира спустилась с крыльца, но выходить из светового круга не спешила. Черные дебри выглядели такими враждебными.

Нечистики, всадники... Кто ведает, что лес еще прячет под своей сенью? Где-то на болоте снова взревел багник. Ее передернуло. Нет... Лучше уж тут. Все равно идти больше некуда. Только, пожалуй, хлев все ж лучше сырой земли будет. Авось повезет, и там сено найдется.

Сделав пару шагов к невысокому строению, Немира вспомнила об отвергнутом даре и, присев на корточки, принялась всматриваться в траву. И хотя свет так и лил из избы, а все ж отыскать крохотную сережку не удалось, даже прошерстив рукой жухлый ковер. Жаль... Это было то немногое, что осталось от мамки. Нет чтобы просто отказаться, так размахался своими ручищами! Немира исподлобья глянула на избу, надеясь, что ведьмарь сумеет даже через стену почувствовать, что она о нем думает. Дом ответил ужасающим рокотом. Гостья от неожиданности плюхнулась на зад, затем перекатилась на четвереньки и поскорей поползла к хлеву.

К счастью, строение оказалось не заперто. Немира встала и осторожно проскользнула внутрь. Придерживая дверь, всмотрелась в темноту, прислушалась. Надо ж проверить, кого хозяин тут держит, мало ль, нечистика приютил иль того хуже — нежить. Строение молчало. Однако чутье подсказывало: тут кто-то затаился, да не один. Словно только что хлев полнился разговорами да весельем, а лишь стоило ей порог перешагнуть, как все разом смолкло и воззрилось на незваную гостью.

— Здравствуй, хлевник. Дозволь у тебя ночь переждать, — Немира коснулась пальцами земляного пола в низком поклоне. Никто не отозвался, но настойчивое ощущение, что тут кто-то есть, вмиг испарилось. Немира присмотрела пышную горку из сена и осторожно двинулась к ней. Опустилась на мягкую подстилку и вздохнула. Сняла с плеч пустой узелок и подивилась, насколько тот вдруг отяжелел. Хотела было снова к двери вернуться, посмотреть, что в нем, но аромат и без света все рассказал: жареный коровий хлеб. Никак дедушка лесун умудрился свою долю грибов тихонечко подложить. Да десяток орешков в придачу. И как только она раньше не почуяла? Колдовство...

Споро расправившись со смачными гостинцами, она поглубже закопалась в душистое сено и, свернувшись калачиком, прикрыла веки. Усталость навалилась валуном — и сознание моментально провалилось в сон. Да такой крепкий, что Немира не чувствовала холода, который принесла с собой осенняя ночь. Не слышала, как тряслась и содрогалась изба ведьмаря да диким ором гнала прочь птиц и зверей. Не чуяла, как под утро в хлев заявился и сам хозяин. Не ощущала на себе его долгий взгляд и тяжелое одеяло, что опустилось на ее хрупкое тельце.

* * *

Костер горел ярко, согревая озябших людей и надежно охраняя их покой от незваных гостей. Разомлевший Рвят с трудом держался, чтоб не поддаться сну и не смежить веки. Всего ведь час надобно продержаться. А не выйдет — Лисица живьем шкуру сдерет. Но ветки так успокаивающе потрескивали, ветерок так убаюкивающе трепал рыжую шевелюру, что очи сомкнулись сами собой.

— Эй, милоч, — разбудил его чей-то шепот. Кто-то потрепал по плечу. Дозорный резко вскочил на ноги и по выработанной годами привычке обнажил меч. Мутный взор обвел поляну, на которой тихо-мирно спали подельники. Ну, тихо-мирно, конечно, относительно. Кругом княжил художественный храп всех мастей. И какой смысл в дозоре, если он один был

способен отогнать всю здешнюю нечисть да нежить верст на десять?

— Успокойся, я это. — На бородавчатом лице ведьмы расцвела беззубая улыбка.

— Чего тебе надобно? — недовольно буркнул Рьят и, спрятав меч, вернулся на пенё. Как водится, благодарить Югу за сохранение кожи на собственном теле он и не помыслил.

— Вот, чаечку тебе заварила.

— Убери свое пойло. Нашла дурака, — скривился тот, грубо отведя от себя узловатую кисть, стискивавшую сосуд.

— Зря ты так. — Губы обиженно выгнулись. — Я ведь помочь хочу.

— С чего бы? — Рьят старательно вглядывался в огонь и ворочал подобранной палкой поленья.

— А за доброту твою. Что на кобыле меня таскаешь, — ведьма так и впиалась взглядом в разгладившийся лоб головореза. — Поди, погоня измотала, силенок поубавила.

— А что ж сама не пьешь? Шагала бы вровень с остальными...

— Да пью-пью... Уже, почитай, весен пятьдесят как пью. А не то давно б уже в труху рассыпалась, — хихикнула Юга и присела рядышком. Рьят напрягся.

— И сколько ж тебе годков?

— Разве ж такое у барышень спрашивают? — игриво проскрипела ведьма. Разбойник презрительно крякнул. — Но тебе, так и быть, отвечу. Прошлой зимой век привечала.

— Век? — он придирчиво оглядел лик Юги. — Да ни в жизнь не поверю!

— А сколько дашь? — почти пропела ведьма, накручивая на узловатый палец седую прядь. И куда только старушечьи нотки делись?

— Весен семьдесят пять, не более, — усмехнулся Рьят и сделал глоток. Потом еще... Чай слегка горчил, но приятно согревал желудок.

— Шалун, — кражистая морщинистая рука накрыла широкую мозолистую ладонь.

Налетчик допил до конца, какое-то время вглядывался в пустое дно сосуда и пытался понять, когда же успел взять подношение ведьмы. Впрочем, не все ли равно, если он уже сейчас чувствует прибавление силы в каждой мышце. Рьят поднял голову и снова поглядел на ведьму, та улыбалась. И чего он ее так раньше боялся? Не такая она и страшная. Да и зубов куда больше, чем казалось прежде.

* * *

Когда проснулся Киряк и предложил заменить, подозрительно бодрый брат отказался. Бандюга покосился на близнеца да примостившуюся у его растоптанных сапог ведьму и только диву дался. Хотя кто его ведаёт, авось Юга какие байки травила? Наверняка ведь за прожитые годы немало насмотрелась. Но каково же было изумление Киряка, когда перед рассветом он обнаружил Рьята, спящего в обнимку со старой рухлядью. А еще страннее оказалось, что по пробуждении, брат совершенно не реагировал ни на насмешливые взгляды, ни на подначки подельников. Он вообще стал вести себя необычно. Страхолюдину ведьму только барышней кликал, да то ей травинку подносил, то листик, на который она указывала, подымал. Тьфу! Будто пес дворовый. И это тот, кто лишь на молоденьких прелестниц зарился. А старостиху в спаленном селе, коей навряд ли более тридцати пяти стукнуло, трухлявым пнем обозвал.

— Никак опоила его, ведьма черная, — шепнул на ухо Серпутий, который на часок

отпустил отдохнуть Рьята, — как пить дать, опоила, уж ты мне поверь. Я весь час за ними наблюдал.

«Нет, так не пойдет. Найдутся средства и против ведьминого зелья», — помыслил Киряк, с отвращением разглядывавший, как брат касается пальцем бородавки на кончике носа Юги.

Лисица разорвал идиллию, приказав ведьме выяснить, куда подалась девка. Пока старуха кружилась в диких плясках да чертила затейливые фигуры на земле, Рьят не сводил с нее расширенных зрачков. А Киряк лишний раз убедился в правоте бывалого Серпутия.

— Тут недалеко совсем, — проскрипела Юга, смахнув пот со лба.

Главарь без промедления отдал приказ сниматься с места и трогаться в путь. Раздраженные и голодные разбойники на ходу пытались перекусить, недовольно бормоча что-то под нос. И только Рьят с блаженным выражением лица усадил «барышню» на кобылу и поторопил остальных. А когда лес отказался пускать лошадь, преградив путь непролазным валежником, он нежно снял ведьму с седла и дальше понес на руках. Киряк, стиснув рукоять меча, снова подумал, что, кровь из носу, спасти братца надобно. Да поскорее.

* * *

Шебуршание над головой резко прогнало сон. Немира села и некоторое время пыталась понять, где находится. Обвела взглядом пустой сарай. Солнечные лучи пробивались сквозь щели в стенах и тонкими спицами резали пространство. С балок свисали многочисленные пучки и веники из сухих трав. Пол густо устилало сено. Интересно, зачем его столько, коли хозяин ни лошади, ни коровы не держит? Разве что какого оленя али лося прикармливает.

Внезапно ее внимание привлекло странное повсеместное движение потолка. Что за колдовство? Когда же Немира разобралась, в чем дело, то подхватила свои пожитки и с криком вылетела вон. Кому ж понравится, когда над головой ютятся сотни крылатых кровопийц?

— Не ори, — одернул ведьмарь.

— Там летучие мыши, — стушевалась она.

— Не змеи же.

В утреннем свете ведьмарь выглядел совсем иначе, нежели ночью. Облаченный в свежие одежды, с мечом на поясе, чистыми каштановыми волосами, перетянутыми плетеным обручем, — совсем такой, каким Немира его помнила. Разве что без бороды. Ну и хорошо, уж сильно та его старила. А теперь он и не так чтобы намного старше ее самой казался. Разве ж лет десять-двенадцать такая уж великая разница? Поганцу Трувару вон уже за сорок, а он все себя юнцом мнит.

Ведьмарь метался то в избу, то из нее. Что-то собирал, что-то прикапывал. Растягивал невидимые нити, нашептывал, рубил, резал. На миг замер, поднял голову, принюхался. Буркнул:

— Блиско.

И продолжил странные действия с утроенной скоростью.

— Что ты делаешь? — любопытствовала гостья, переминаясь с ноги на ногу.

— Собираюсь, — отрезал хозяин и подошел к сараю. Раскрыл настежь дверь и не то зачирикал, не то засвистел. Немира едва удержалась от желания припасть к земле, когда

полчище летучих мышей черным облаком устремилось в лес. Тело невольно передернуло. Надо же, а она с ними целую ночь провела. Не то чтобы боялась, но в таком массовом и длительном соседстве коротать время еще не приходилось. И пусть бы больше не довелось.

— Отойди, — бросил ведьмарь и указал пальцем на огромного деда^[7]. На миг Немира встретила с мужчиной взглядом и облегченно отметила, что темные очи и бледный лик ничем примечательным не выделялись. Ни ряби, ни вертикальных зрачков. Интересно, что же с ним было?

Пока Немира устраивалась подле валуна, хозяин снова зашел в избу и, проведя там какое-то время, вернулся с сумкой в руке, мечом на поясе и вороном на плече. Опустив кожаный мешок наземь, он пересадил птицу на ладонь и долго вглядывался в ее черный глаз. Затем снял тряпицу с крыла и внимательно осмотрел.

— Почти зажило. Попробуешь?

Ворон каркнул в ответ, и ведьмарь резко подкинул его. Птица устремилась в небо, сделала пару кругов и вернулась на плечо. Мужская ладонь погладила черные перья:

— Придется расстаться. Надобно, чтоб ты проследил, где они. Потом меня сыщешь.

Птица снова каркнула, взметнулась ввысь и скрылась из виду. Ведьмарь же угрюмо обвел взглядом подворье, сарай да хату, точно вспоминая, все ли взял. Затем сам себе кивнул, перекинул через плечо сумку и устремился в чащу. На миг остановился, подобрал что-то с земли и продолжил путь. Немира наблюдала, как высокие кожаные сапоги мнут желто-бурую траву, и не могла поверить, что ведьмарь так просто оставляет ее одну пред страшным ликом опасности и неизвестности. А мамка еще говорила, что он только с виду такой нелюдимый. И дедушка лесун... Ох, как же они ошибались! Губы предательски задрожали.

Высокая статная фигура в черном остановилась у широкого морщинистого ствола.

— Чего ждешь? — не оборачиваясь, спросил ведьмарь.

— Ничего.

— Ну так догоняй.

— Да, — растерялась от внезапной радости Немира и бросилась следом.

Путники шли молча. Единственной задачей, с которой Немира сейчас старалась справиться в первую очередь — не отстать. Попробуй успеть, когда один шаг ведьмаря равняется ее двум. Хорошо хоть, узелок пустой, а то с поклажей наверняка бы уже сдалась. Правда, с другой стороны, была бы тряпица полна коровьего хлеба да орехов, то опустошить бы ее трудности не составило. Есть-то хочется, а вокруг, как назло, ничего подходящего. Хотя что можно сыскать в жухлой траве да в прелой листве? А ведьмарь вон как бодро вышагивает, ни меч, ни сумка не тягуют. Видать, вдоволь с утра подкрепился.

Желудок уже в которой раз напомнил о себе протяжным плачем. Провожатый обернулся и вгляделся в пунцовый лик Немиры, которая внезапно заинтересовалась фиолетовой поганкой, но, так ничего и не сказав, продолжил путь. Причем много быстрее, чем доселе. Девушка поспешила следом, все еще не теряя попыток выискать что-нибудь годящееся для перекуса. Скоро меж стволов замелькало болото. Ведьмарь знаком велел затаиться в ельнике, а сам подошел ближе к черной топи. Немира осторожно выглянула из укрытия, стараясь оставаться неприметной.

Провожатый обнажил клинок и стал приближаться к смрадной жиже. Каждый его шаг, каждое движение вдруг приобрели первобытную, животную грацию — так рысь подбирается к своей жертве. Когда до склизкой лужи осталось не больше пары локтей, он что-то пробурлькал, точно кого-то покликал. Станный звук походил на тот, что издавала болотная

русалка. Снова булькнул. И еще раз. Внезапно его тело напряглось еще сильнее. Болото шевельнулось, выдавив из себя небольшой холм, на который был направлен меч.

— Здравствуй, — послышался знакомый голос.

«Русалка!» — догадалась Немира и невольно скривилась — при свете дня одноглазая болотная красотулька выглядела куда омерзительнее.

— И тебе не хворать, — опустил клинок ведьмарь, не ослабив хватки на рукояти.

— Зачем пожаловал? — подгнивший зеленоватый палец игриво накручивал длинный локон из водорослей непонятного цвета.

— Да вот, тебя проведать пришел.

— Неужто надумал-таки ко мне присоединиться? — лукаво хлопнула единственным глазом русалка и приподнялась выше — от вида полуразложившейся груди Немиру едва не стошнило.

— Дозволь мне еще поразмыслить, — отозвался гость.

— Что ж, раздумывай. Только гляди не прогадай, у меня тут уже новый ухажер сыскался, — похвасталась русалка.

— Я и не сомневался, что твоя красота способна сражать наповал.

От подобной лести Немира не сдержалась и хихикнула, слишком поздно прикрыв ладонью рот.

— Кто это там у тебя? — насторожилась болотная девка, погружаясь в жижу.

— Погодь! — окликнул прелестницу ведьмарь, бросив злобный взгляд на ельник. Но от русалки на поверхности черной топи остался только едва приметный холмик-макушка.

— Я это, подруженька! — подбежала к трясине Немира.

— А-а-а, — вяло протянула нечисть, снова вынырнув из мерзкой лужи. — Жива, стало быть. То-то багник до сих пор негодует.

Ведьмарь непонимающе глянул на Немиру, но тут же отвел взгляд обратно — к единственному глазу болотницы, который, в свою очередь, презрительно рассматривал выскочившую из укрытия девицу.

— Надеюсь, ты не забыла о нашем уговоре?

— Что ты! — Немира изобразила искреннее оскорбление. — Как можно? Всем расскажу!

— Смотри мне, — глаз недобро блеснул.

— А с ухажером познакомишь? — спросил ведьмарь, косо поглядывая на Немиру.

— Ладно, — снизошла до людишек нечисть и пропала из виду.

— Зачем он тебе? — прошептала Немира. Вместо ответа спутник злобно накинулся на нее:

— Чего ты выперлась? Неужто я непонятно объяснил?

— Я помочь хотела, — обиженно прошипела Немира. Вот же! Хотела как лучше, а он еще виноватой делает.

— Че надо? — булькнул синюшный мертвяк, перепачканный тиной.

— Хорош, — сделал вывод ведьмарь.

— Свеженький, — потеряла гниющие ладони русалка, на каждой из которых Немира недосчиталась по паре пальцев.

— Ты откуда взялся? — спросил ведьмарь, внимательно изучая длинного, точно жердь, новичка, вальяжно развалившегося поверх жижи.

— Оттуда, — огрызнулся синюшный поклонник и горделиво отвернулся от любопытных

глаз.

— Его вчера багник сожрал, на том краю трясины, — ответила за воздыхателя русалка. — Эх, жаль, что только одного. Я вообще худых не очень-то люблю. Вот среди уцелевших были мужички куда крепче. Совсем как ты, а то и лучше. Ладные бы из них мужья вышли.

— И скольких мужей ты недополучила? — любопытствовал ведьмарь.

— Семь, кажется, — пожалала разложившимися плечами девка. — Да подружку-ведьму.

— Ведьму? — нахмурился спутник Немиры. Но русалка вместо ответа поглубже вдохнула и предложила гостям насладиться чудесным ароматом.

Дальше беседа не сложилась — и скоро болотная пара скрылась из виду, не удосужившись попрощаться.

Немира углядела у края топи немного красницы и присела, чтобы собрать. Но ведьмарь схватил ее за шкуру и потащил в лес.

— Пусти! — безуспешно пыталась отбиться она. Однако крепкая ладонь разжалась, только когда ельник более-менее надежно спрятал обоих путников от обитателей топи.

— Совсем сдурела? — процедил сквозь зубы ведьмарь.

— Что я такого сделала? Есть захотела!

— Тихо, — злобно шикнул мужчина и оглянулся на топь. Та хранила показное молчание.

— Не думала, что ведьмарь нечисти боится, — пренебрежительно подытожила Немира. Но спутник в ответ только закатил очи и вернул меч в ножны.

— Пошли, — потребовал он и устремился в чащу. Немира со вздохом глянула на нетронутые ягоды и поспешила за проводником. Толстошкурый медведь, неужели он не понимает, что от такого темпа да от голода она скоро замертво упадет?

Немира пыталась сыскать коровий хлеб. Но каждый раз примеченный под ворохом листьев холмик, оказывался камнем али вовсе кротовьей горкой. Да, без нюха, как у Рыжика, тут не обойтись.

Скоро они вышли на небольшую полянку. Ведьмарь остановился, припал к земле и какое-то время прислушивался. Затем поднялся и опустил свою ношу наземь.

— Садись, — указал он на мшистый пенёк и развязал тесьму на сумке. Немира послушно опустилась на лесной трон, не отводя взгляда от мужской ладони, что уже протягивала ей кусок вяленого мяса. — Ешь. Да поскорее.

Немира жадно впиалась зубками в угощение, одновременно наслаждаясь вкусом и раздумывая, что ведьмарь мог бы раньше поделиться снейдью.

— Всадники. Кто они такие, ведаешь? — спросил он, расправляясь со своей частью.

— Нет, — помотала головой Немира и, уколотившись взглядом о суровое выражение лица, снова сосредоточилась на еде. — Вкусно, только солено очень.

— Без соли оно бы испортилось, — скупно растолковал ведьмарь и сунул ей в руки флягу.

— Мы так никогда мясо не готовили, — призналась Немира, сделав глоток. Вода.

— А как? — сухо спросил мужчина.

— Ну, тушили, жарили, варили...

— Стало быть, стряпать умеешь, — сделал вывод спутник.

— Умею, — без напускной скромности подтвердила Немира. Из груди вырвался тяжкий вздох. — Моя мамка на селе лучше всех готовила. И меня научила.

— А что еще умеешь?

Внезапно она поняла, к чему эти расспросы. Конечно, Немира никогда не думала о том,

чтобы ведьмарю прислуживать. Да только выбора Макошь не оставила. И если хочешь выжить, то придется цепляться за каждую протянутую соломинку. И она уцепится. Расстарается. Так свои таланты да умения представит, что у него челюсть отпадет!

— Прясть умею, шить, прибираться. За скотиной пригляжу, за больным, стариком, дитятей...

— Ладно, — резко оборвал ее ведьмарь. — Доела? Пошли. Некогда тут рассиживаться.

— А куда пойдём-то?

— В Кревин. — Тесьма на сумке снова свилась в хитрый узел.

— Зачем это? — насторожилась Немира. Однажды она гостила в Кривине. Большой, тесный, смрадный. Дом на дом лезет, да так, что неба лазурного не видать, лучик солнечный не пробьется. Народ злой, неприветливый. А если ты человек простой, не зажиточный, то все пропало. Догола разденут, с дерьмом на дороге смешают и не оглянутся. Из таких мест всякие грабители да душегубы и выходят.

— Там легче тебя пристроить.

— Пристроить? — В ушах зазвенело. Мир снова уходил из-под ног. — Но я не хочу в город. Дозволь я стану твоей помощницей. Буду во всем подсоблять. А если скажешь, то... — Немира вдохнула-выдохнула, готовясь решиться на крайнее... — то даже за крылатыми кровососами пригляжу. За домом твоим ухаживать так буду, что...

— Нет больше дома, — признался ведьмарь, но на свой лик не допустил ни одной эмоции. Только на мгновение на дне темных очей показалось сожаление.

— Откуда знаешь? — почему-то голос вдруг сбился на шепот.

— Знаю, — одно короткое слово, без разъяснений и подробностей, но было произнесено так, что Немира ни на каплю не усомнилась в его правдивости и почувствовала себя виноватой. Ведь по ее следу шли душегубы. Она их к подворью ведьмаря привела.

— Но как же ты теперь... — в горле пересохло — и шепот прозвучал надтреснуто, — без дома?

— Мой дом — свобода. То было лишь временное пристанище. А теперь пошли.

* * *

Налетчики настороженно наблюдали, как чадит хата. Немало в своей жизни каждый из них пожег изб да сараев, даже самый юный из них, Казлейка. Но такое случилось впервые. Где это видано, чтобы огня совсем не было видно, а дым валил столбом? Да не черный, не серый и даже не белый. Алый! Точно кровью напиталась ведьмарская хата. От такого дива даже самые бывалые чувствовали себя неудобно. А Серпуть так и вовсе решил предложить Лисице, нет, конечно, не оставить погони, но не так рьяно гнаться. Все ж день, когда колдовское отродье покинет девку, непременно наступит. И тогда...

— Пошел вон! — не то прокричал, не то прорычал главарь — и поделник молча отступил.

Да что им объяснять? Разве поймут эти скудоумные, что не в силах он сбавить темпа, даже если сам этого захочет. Не может он отступить — каждый миг поганая метка не дает покоя и жжет руку, точно раскаленным железом. Да только и к обычной боли человек привыкает. А к этой никак. Иногда ощущения стихают, но, видать, только для того, чтоб навалиться с новой силой, и мучить, и мучить, не давая запомнить о цели.

А еще сны... Сны, в которых он каждый раз почти хватает край платья, но в кулаке оказывается только воздух...

— Ведьма! — позвал главарь.

Довольная старуха все это время под защитой Рьята перебирала позаимствованное в доме ведьмаря добро. Но лишь заслышав клик, бодренько сгребла награбленное в мешок и, сунув охранителю, подскочила к Лисице.

— Куда они направились?

— Сейчас, сейчас, мой господин. Сейчас все прознаем.

С проворством молодухи Юга подбежала к каменному деду и раскинула руны. Долго вчитывалась в знаки судьбы, что-то бормотала. Рьят с благоговением на лице наблюдал за своей «барышней».

— А что это с твоим братцем? — шепотом спросил у Киряка Серпутий.

— Об чем ты? — не понял тот, разглядывая близнеца.

— Точно посветлел.

— Помылся? — предположил Казлейка.

— Что-то не припомню, чтоб мы в бане были, — нахмурился Киряк.

— Выгорел? — выдал еще одну догадку юный разбойник.

Киряк отмахнулся и подошел ближе, пытаясь уразуметь, что же случилось с Рьятом.

— Ну? — нетерпеливо спросил Серпутий, когда тот вернулся.

— Это седина.

— Седина? — ахнул Казлейка.

— Еще вчера ее не было, я точно помню, — уверенно сказал Серпутий.

— И я помню, — мрачно подытожил Киряк.

— Неужто? — переспросил Серпутий, поймав его взгляд.

— Что? Что неужто? — с тревогой спросил Казлейка.

— Что-что, — тихо пояснил самый старший из разбойников, — Юга это, силу из Рьята тянет.

Малец сглотнул.

— Ничего, поди, и ведьмы смертны, — буркнул Киряк и, поглаживая рукоять верного меча, уперся злобным взглядом в Югу, но внезапно отпрянул. Сальные и явно потемневшие космы спали с морщинистого лица, обнажив колючий взгляд и нехорошую улыбку на едва уловимое мгновение.

— Эй, Рьят, — негромко отозвал в сторонку брата Киряк, воспользовавшись отлучкой ведьмы в транс. Близнец обернулся и с блаженным, как у юродивого, выражением лица подошел к близнецу.

— Чего надобно?

— А чего это ты все вокруг Юги ошиваешься?

— Так Лисица ж велел, кто последний, тот за нее и отвечает.

— Тот ее в седло берет, — поправил Киряк, — а коней мы давно оставили.

— Ну, кто-то ж должен ей подсобить. Женщины — они нас слабее.

— И давно ты старую каргу перестал ведьмой звать?

Вместо ответа Рьят огромной лапищей ухватил могучую шею брата и уперся лоб в лоб. Желтоватые белки от злобы налились кровью. Киряк попытался отшатнуться, да не вышло — мертвая хватка прочно удерживала, не позволяя даже дернуться. И это притом, что Рьят всегда уступал близнецу в силе.

— Еще раз так о ней скажешь, придушу, — для пушного убеждения пальцы больно впились в мышцы шеи.

— Совсем сбрендил, если родного брата на эту выдр... ведьму променял.

— Не трожь! — взвизгнула, точно плохо смазанные петли двери, старуха.

Близнецы одновременно обернулись. Один из подельников почти с головой залез в мешок Юги. Охранитель уже оставил в покое шею брата и даже успел навести стрелу на подлого предателя. Но лук так и не выстрелил. Неудачливого грабителя что-то отбросило к лесу. Из мешка полез густой едкий дым. Он застилал очи, забивал нос и легкие. Лиходеи закашлялись. Кто-то закричал так, будто его рвали на части.

— Закройте глаза! Не шевелитесь! — велела ведьма.

Что-то зашипело.

Лисица замер у ствола сосны. Он чувствовал, как что-то гигантское мечется по поляне, будто выбирая жертву. От незримого чудовища волнами исходила опасность, но не такая, какую излучает умный и умелый соперник, а иного рода. Это было нечто потустороннее, словно из самого Навья, способное лишь одним видом лишить разума.

— Смелчаки! — издевательски объявила ведьма и разразилась мерзким смехом. — Поднимайтесь, пока не обтяжкались! Воины...

К скрипучему хихиканью добавился гогот Лисицы и похрюкивание Рьята. Хвосты тумана стремительно таяли. Киряк поднял голову и уже открыл рот для хохота, но углядел разорванного на части подельника — веселье как рукой сняло.

— Это кто ж его так? — тихонько любопытствовал Казлейка, боязливо оглядываясь по сторонам.

— Змей, — с сожалением выдохнула Юга.

— Откуда он взялся? — спросил Серпутий.

— Оттуда, — указала ведьма на все еще чадившую алым хату ведьмаря. — Я ж предупреждала, чтоб в сумку не лазили. Будет наука!

— А куда он делся?

— Уполз.

Казлейку передернуло — и это вызвало новый взрыв скрипучего смеха. Меж тем Киряк, Плешивый и Серпутий внимательно разглядывали клочья плоти.

— Кажется, это щека, — указал пальцем на опметок Казлейка.

— А кровь где? — насторожился самый старший из всех подельников.

— А нетути! — хихикнула Юга и заглянула в свой мешок. — Эх, такое яйцо, стервец, загубил, — посетовала ведьма.

— Так куда девка направилась? — осведомился Лисица, безразлично разглядывая разбросанные обескровленные куски.

— Туда, — махнула на лес Юга.

— Тогда пошли, некогда тут рассиживаться.

— Мы что ж, даже его не прикопаем? — нахмурился Киряк.

— Хочешь захоронить? — Испытующе уставились на рыжего верзилу раскосые желтые очи. Серпутий, Плешивый и Казлейка только и поспевали переводить взгляды с главаря на Киряка и обратно.

Киряк обвел взором зловещую поляну, дымящую алым избу, вдруг смолкший лес, где укрылся чудовищный полоз...

— Не-а.

— Тогда вперед! — рявкнул главарь и устремился по следу девки. Соратники подхватились и поспешили за Лисицей. Юга в последний раз глянула на избу ведьмаря, любовно погладила мешок и, прикрываемая с тылу Рьятом, направилась за остальными.

Ворон, примостившийся на ветке, еще какое-то время не сводил с дымящей избы блестящего глаза, будто прощался. А затем, громко каркнув, распрямил крылья, одно из которых оказалось чуть примятым, и затерялся меж сосновых верхушек.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Паляндра — богиня смерти (Здесь и далее примеч. автора).

Гарсет — безрукавка.

Скатень — старинное название речного жемчуга.

Червец — старинное название граната.

Багник — дух, живущий в болоте, которое никогда не покрывается растительностью и имеет вид грязной и черной лужи. Он никогда не появляется над поверхностью болота и свое присутствие в нем выдает только пузырьками и мелкой рябью.

Варгин — кошачий король, имел огромные размеры и блестящую черную шерсть.

Дед — огромный валун, священный камень.

Магерка — шапка, валянная из шерсти, серого или коричневого цвета.

Знич — бог священного погребального огня. Он же гасил звезду, зажженную в час рождения человека богом Родом.

Чистуха — народное название мыльнянки лекарственной, в старину используемой вместо мыла и стирального порошка.

Намитка — женский головной убор.

Вазила — домашний дух, опекун лошадей.

Апивень — нечистик, который склоняет людей к пьянству.

Ужалки — дочери змеиного царя. До половины они красивые молодые девушки с длинными распущенными волосами, а вместо ног имеют змеиный хвост.

Гарцуки — по древнему белорусскому поверью, это духи, обитающие в горах и подвластные Перуну. Они обращаются в хищных птиц и быстрыми размахами крыльев порождают бури и ураганы.

Велес — здесь покровитель путешественников.

Кара — бог войны.

Искры Перуновы — отсыл к легенде о происхождении и создании мира.

Касны — вампироподобные существа, нападающие исключительно стаей.

Кадук — недобрый болотный дух, ест маленьких детей. Издалека похож на кипу сена или кучу, вблизи — на зверя с огромной косматой головой и с широкой пастью до самых ушей. Старший из болотных духов и самый грозный.